

Виктор Григорьев

К ЧЕТЫРЕХМЕРНОМУ ПРОСТРАНСТВУ ЯЗЫКА (БЛОК И ХЛЕБНИКОВ: ЭВРИСТИКА В ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ЭКСПРЕССЕМАХ) *

1. Заглавию «Второе рождение» у Б. Пастернака отвечали очевидные и существенные перемены в его языке. Реформация поэтики не была для него простым экспериментом, новым светом, обретаемым ради дополнительных возможностей «причудливой игры» (А. Крученых). В большой поэзии Высокая Игра всегда оставалась «игрой вселенными» и осмыслением «синих оков», если воспользоваться образами позднего В. Хлебникова. Когда же «эксперимент» минимизирует «поиски в области смысла», когда предикация, референция и сам Логос в его познавательных возможностях оказываются «зверьями в загоне» (вовсе не по Пастернаку), а игры с «фактурой» языкового материала становятся самоцельными и самоценными, как это имеет место у современных авангардистов, тогда Парадигмы, возникавшие в острой борьбе и отметившие Авангард и Серебряный век — «смысловик», рассыпаются на множество в лучшем случае небезытересных, но чаще претенциозных, односторонне зацикленных «подпарадигм» и «предсмыслов».

При этом центр (ядро) в функциях языка, высказываниях и творчестве как целом уступает свое место периферии, асимметрический дуализм эстетического словесного знака с его «приращениями смысла» на глубине и эвристическими преобразованиями — монизму дизайна, если не масскульта, Игра — милой, но ни к чему не обязывающей игре, прагматике без Телеологии. И вот они — новое, элитарное «воскрешение слова» (заявляют, уже «не нужного как такового»!), «второе пришествие» слабостей раннего «формализма» (в пику дурному «содержанизму» времен застоя?), пир духа Крученых, его «второго рождения» в роли властителя дум. Порадуемся и за «иезуита слова», но куда сильнее глобальная тревога в связи со всем этим: «Что делать?» (Т. Кирилов). Парадигма Блока — та попросту «сдается в архив». А Хлебников? Это имя на устах у многих апологетов формы как «фактуры», все же — «велимиролюбцы». Но на деле: мир его праху и забвение словам поэта — Будетлянина о том, что Крученых «о п а с е н» (см.: [Язык и искусство, 2002] — прежде всего статью Н.А. Фатеевой в этом сборнике — и [Григорьев, 2000, 2004 б]). Ср. «эвристику»: «Крученых² = Хлебникову» (К. Кедров).

Если к нынешней, лишь чуть утрированной здесь ситуации применить сильное слово декаданс, оно должно будет напомнить не только о «той еще» ситуации на стыке двух прежних веков, но и о путях выхода из нее к Авангарду, о его уроках расширения, а не сужения пространства языка как в литературе, так и в науке. Уроки эти выявляются с трудом, но они злободневны для поэзии, актуальны и для филологии.

«В трехмерном пространстве языка» иным контекстам, которые могут и должны войти в «Словарь избранных экспрессем» (работа над ним начата группой сотрудников ИРЯз РАН в 2002 г.), оказалось тесно (см.: [Степанов, 1985; Григорьев, 2003 б]). На пути от особого рода расширенного конкорданса, предлагаемого филологам в «Словаре языка русской поэзии XX века» [Словарь, I, 2001; II, 2003] и условно носящего имя «Поэтический Даль» [Григорьев, 1994 а, б и др.], к новому типу словаря,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 02-04-16015).

условному подобию «Поэтического Ожегова», сразу же встал важный вопрос о критериях отбора из всего круга экспресsem — особо сильных (называемых парадигмальными). Это те статьи-экспресsemы, в которых отмечен хотя бы один-единственный особо «сильный» контекст. Обсуждение кандидатов в систему критериев для такого отбора привело к выводу о безусловном доминировании в ней того, что, пренебрегая вульгаризациями застойных времен, можно обозначить как «идейно-эстетические» качества контекстов, значимых в своей очевидной или выявляемой новизне [Григорьев, 2003 б:19]. По сути, это и имелось в виду, когда в последние годы, часто задаваясь вопросом «Что за языком?» и размышляя о «лингвостетике» в связи с гносеологической функцией языка, приходилось подчеркнуто, но неточно и нестрого называть «языковым» нечто прежде всего новое и глубоко идейное, а в художественной речи — и эстетическое, но вместе с тем, конечно, достаточно ярко языковое, хотя, что важно, не узко и не только языковое (в каком-то смысле, скажем, при переводе идей в науку, даже не столько) [Григорьев, 1966, 2000, по указат.; Самовитое слово, 1998:19; Словарь, 2001, I:11; и др.].

В этой ситуации до поры до времени некоторым оправданием пристрастия к идеям «языкового» служили разные моменты. Здесь были полусофистические ссылки на глубокую строчку Хлебникова «И то не ложь, и это истина», мысль о знаковой для его словотворчества приставке *за-*; попытки сопоставить структуре «языковой личности» динамический пласт «языка как творчества», «внеязыковых» (когнитивных) категорий, предполагающий у такой личности наличие потенций нетривиального сознания и познания, чуткого к «духовным приращениям смысла», а тем самым требующий от лингвиста ее оценки как «личности языковой»; не казались лишними и рассуждения о том, что серьезный взгляд на «заумный язык» (в широком смысле, включающем и «звездный») подсказывает и почти игровую, комбинаторную идею «языкового ума» («языковой мысли»), и др. Но за всем этим стояла Телеология хлебниковских «осад».

Телеология творчества в 10-е годы занимала и Бодуэна (как ученого и оппонента футуризма), и Блока: «Зачем?» — пытал он звавших его в очередной «заурядальманах» без осмысленно высокого целеполагания. Известна также «критика слева» его позиции (в сравнении с Гете) и ранней поэзии, уверенной в том, что она — «не поэзия только» (ср.: «Поэт в России больше чем поэт»), но не желающей искать дна «мудрых глубин» символизма [Белый А., 1990 (1932), 358, 366, 380–381] (см. также статью В.В. Фещенко-Таковича в сб. [Язык и искусство, 2002]). В этом ряду особенно показательны обещание юного Хлебникова найти «закон времени» (в связи с гибелью на войне броненосца «Петропавловск»; см.: [Григорьев 1998, 134 и др.]), его статья 1904 г. «Пусть на могильной плите прочтут...» и выдвинутая им четкая программа трех беспримерных «осад». Вместе с их стратегией, «принципами», найденными в итоге «законностями» и «уравнениями» эти «осады» без особых натяжек сопоставимы с известной практикой эвристического моделирования в кибернетике или/и математической физике.

В 70-е годы значительную роль для самосознания лингвистической поэтики (отчасти и эстетики) сыграла статья с многообещающим названием: «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма» [Левин и др., 1974]. Исследования всего многообразия реальных и потенциальных «культурных парадигм» и после нее еще долгое время будут затруднены внешними обстоятельствами «застоя», несмотря на «идеологическую реабилитацию» кибернетики, развитие полных структурных методов в изучении языка и литературы, многое другое, памятное старшим поколениям ученых.

Филологией и всеми «общественными науками» недооценивается у Хлебникова важный «принцип единой левизны». Не обращают внимания на то, что «левизна» здесь представляет именно «новизну», а в «левом по слову», без которого невозможно «левое по мысли», надо признать простейшую синекдоху «левого по языку». Если же мы, имея в виду прежде всего лингвосемиотический план, обратимся к семантосозначениям в «идейно-эстетическом» и «квазизаязыковом», то сегодня, в свете указанного принципа, речь могла и должна бы идти, без иллюзий и преувеличений, об уверенно назревавшем концептуальном сдвиге к новой парадигме не только в словесном искусстве, но и в лингвистике и филологии — о полномправном признании необходимого всей культуре (ее практикам и теориям) четвертого, так сказать, всеохватывающего и всепроникающего, эстетико-эвристического измерения языка. Ради небесполезной симметрии с тремя общепринятыми ипостасными «-тиками» — семантикой, синтактикой и прагматикой — прибегнем теперь к термину, кажется, более подходящему как название этого измерения, чем нечто «заязыковое», актуализируя не новое и для филологии слово «*эвристика*». Добавочная нагрузка на это понятие, широко используемое в науке, едва ли может привести к недоразумениям и конфликтам. До обсуждения других возможных здесь номинаций кандидатура эвристики представляется оптимальной.

Идея такой эвристики вызревала исподволь, с начала 60-х годов. Ее не осознанное до последнего времени становление было бы бесполезно проследить прежде всего по «трем источникам», питавшим новорожденную. Первый — это трудное, с годами боевое, развитие идей лингвистической поэтики и интеридиостилистики и появление понятия «экспрессема», синтезирующего смыслы слова и контекста в художественной речи [Григорьев, 1965, 1979 а, 1993; Григорьев, Брейдо, Колодяжная, 1997]. Второй живо связан с опытом работы ряда исследовательских коллективов над новыми проектами в области «поэтической лексикографии» (иначе: «авторской»): поразному, но многим занимали «эстетика слова», «идеологически заостренные эстетические значения» [Пощепня, 1995] (ср. также пути подступов к ним в работах [Поэт и слово, 1973, Григорьев, 1987, 1994 а, в, 2000, 635–700 и др.]). Третьим по счету источником, но первоначальным и важнейшим по энергии импульсов стал Хлебников — «безумие» его творчества, преодоление им суровых «эстетических шлагбаумов», реальное взятие Перемышля / Пушкинианской красоты [Фарино, 1988, Григорьев, 2000, 612–633], судьба его парадигмы, идей, «осад», сплава «неклассической поэзии и неклассической науки» (ср.: [Жукова 2000, 171–174]), «воображаемой филологии», средства его языка, поэтики, полей интертекстов и т. д., отчетливо подчиненные задачам нового мировидения.

Конечно же, был и четвертый источник — самый фундаментальный, но также не во всех руслах общий для структурной филологии наших дней: ОПОЯЗ и МЛК, тезисы Тынянова–Якобсона, А.Белый с его словарными прозрениями и страстью к «логически невыразимому», даже концепция Кроче и так называемый «эстетический идеализм в языкознании» (с оппозицией Шпитцер / Блумфилд и др.). Невозможно переоценить при этом роль Бодуэна (борца с парадигмой младограмматиков) и успехов семиотики, внимания к МФШ и школе Лотмана, непониманию Маяковским его «друга-соратника» Хлебникова, догадкам верного диалогу с ним «полубудетлянина» Мандельштама о «плотности» слова, к идеям Шпета, Бахтина (в частности, об «аббревиации»), Друскина и Лихачева (их мыслям об «эстетической гносеологии»), «идеосемантике» Абаева, стиховедению Гаспарова, трудам великоведов и других гуманитариев разных школ; позициям Сахарова и Солженицына; «элите классиков» — от «всего» Пушкина, «этосферы» Чехова и «отпадения от церкви» А.Толстого (кста-

ти, остается ли в лоне РПЦ «православный Хлебников»?») вплоть до клубов «классиков постмодернизма»; от Эйнштейна, Бора, Чижевского до Куна и Пригожина, от Соссюра до Вежбицкой и т. д. В их уроках даже «спорные поля» (ср. Этику как часть Эстетики [Витгенштейн, 1989 (1965), 100]) знаменует вектор «От поверхностных структур — к глубинным смыслам», а после Чехова, авангарда, Тынянова и Колмогорова единство науки и искусства кажется почти трюизмом. См. и ср. также: [Язык и искусство, 2002 (статью Ю.С.Степанова и др.), Степанов, 1985, Григорьев, 1966, 1979 а, 1994 б, 2000, Новиков, 1994, Кусков, 1987].

Особой строкой автор должен выделить благожелательные отклики на некоторые из его идей и работ — подступов к выдвигаемой в настоящей статье концепции. В 60-е годы это были, например, отклики В.В. Виноградова, Р.О. Якобсона, П.Г. Антокольского, Вяч.Вс. Иванова и В.Г. Костомарова (подробнее об этом см.: [Поэт и слово, 1973, 35–50, Григорьев, 1994 а, 71]), детальные разборы [Pszczolowska, 1966, Péter, 1968]; в 70-е — 90-е — поддержки-оценки Р.Р. Гельгардта, Ю.М. Лотмана, М.А. Гаспарова, Ю.Н. Караулова, серии бесед с Д.Н. Шмелевым и С.Т. Золяном. Здесь же отклики коллег-оппонентов во время спецкурсов по лингвистической поэтике и велимироведению, в частности, в Минске, Харькове, Тарту, Красноярске, или в ходе конференций у нас и за рубежом.

Заметим, что в эвристическом пространстве языка главенствуют не привычные нам структуры — фонемы, морфемы, слова, сочетания слов или предложения как таковые, а преобразуемые творчеством их аналоги- «клоны», двойники, «квазиомонимы» (в рамках высказываний). Они охватываются понятием «экспрессема» как упорядоченным множеством контекстов. А художественный контекст принадлежит художественному тексту (ср. «затекст»). Сложности пути от «лингвистики текста» к «лингвоэстетике текста» [Григорьев, 1979 б] понятны. Современный учебник «Художественный текст» уже создан [Лукин, 1999]. Трудности же экспликации понятия «(художественный) контекст» (ее лишь начинал Е.А. Гинзбург; недавняя кончина оборвала его поиски) во всей их глубине, кажется, не осознаны. От проекта «Текст — Контекст», если он войдет в план исследования отношений внутри четырехмерного пространства языка, эвристика может ожидать немало полезного. Пока важно наметить первые вехи для ориентации в этом пространстве, тип связей эвристики с семантикой, синтактикой и прагматикой.

Красива аналогия с физическим пространством-временем, правдоподобна образная близость представлений об эвристике языка топологической парадигме (см.: [Том, 2002 (1972)]). Недостаточная компетентность в специальных вопросах затрудняет получение содержательных выводов из таких аналогий. Следует, видимо, отбросить, с первых же шагов, лишь «одномерное распределение эвристики» по трем *-тикам*, которые она охватывает. Так, не следует считать, что с семантикой ее связывает исключительно «идейное», с синтактикой — лишь комбинаторика эстетических знаков, а с прагматикой — только и только некая «сверхмаксима новизны». Категории «идейно-эстетического» и «нового» здесь связаны в некоторой целостности как друг с другом, так и с другими «отцами-основателями конституции эвристики» — статусной системой ее критериев (см. ниже п.5). Любая из *-тик* «завязана», к примеру, на участие в (кон)тексте любых средств расширения поэтического языка, да и на их оценку, будь это неопознанный объект из сферы специфического «Контекста» в функциональной модели Якобсона или нарушения пресуппозиций и прямые ошибки в художественной речи, антиэмфаза или факт «скорения», ритмические или/и интонационные новации, авторские находки в полях иронии, стилистической синонимии, пейоративов или эвфемизмов, диалектики запретов и допущений, даже

простая видимость отхода от статистических норм в связях между единицами языка, в определенной частотности и т. д., и т. п.

Этот модельный перечень сознательно не упорядочен, чтобы одновременно можно было дать и получить представление о хаотичности того многообразного исходного материала, в котором заключено и растворено «эвристическое», о неожиданности, но и обманчивой случайности его появления перед исследователем в очередных словарных порциях (кон)текстов, поступающих к нему и попадающих в светлое поле его сознания. Практически каждый контекст из «Поэтического Даля», требуя от составителей и редакторов «Поэтического Ожегова» согласованного применения «калибровочных эвристических сит» (ср.: [Григорьев, 2003 б, 15]), побуждает вместе с тем к рефлексии по поводу «силы» вот этих контекстов и мотивов отвержения «ситами» относительно «слабых» тех. Правда, для уверенных обобщений наш опыт пока маловат. Попробуем лишь предварительно очертить круг ответов на два взаимосвязанных вопроса.

Что может мешать «торжеству эвристики» у поэта? Интровертность и монологизм (как враг Диалога). Не доказывающая ума, по верным словам Пушкина, тонкость — в противопоставлении неизбежной грубоватости моделей мира. Космический размах такой амбициозной «модели», но без надлежащей амуниции. Неосознаваемый отход от «принципа единой левизны». Ослепление одним «большим стилем» (не только «по предписанию извне») или инерцией достижений в рамках собственного идиостиля (в ущерб своему же идиостилю). Пристрастие к нагромождению эффектов и деталей, не помогающих основному «делу» (ср. не совсем праздное предисловие Л.Б. Каменева в кн.: [Белый А., 1990]). «Культурная невменяемость»: подмена Игры «клоунадами», ерничеством, «дела культуры» — перформансами. Бравлада-отказ от наработанных ранее ценностей культуры, с изоляцией ее от духовности, средств от Целей, искусства от науки, языка от Логоса даже в искусстве слова (нет же «визуального логоедства» у Эрика Булатова). Религия назвала бы подобное утратой «стержня духовности».

Не отвлекаясь на общедоступные иллюстрации, продолжим еще немного этот перечень лишь для одной сферы — ограничений «пространства замахов (осад)». Прежде всего их характеризует «внешняя ангажированность»: широко понимаемая «трактирная стойка» и сведение поисков истины к тому или иному «вину» — «квас» это, «шабли» или «аи», «бесовство» (как ни трудно добиться общественного согласия в представлениях о нем) или «дионисийство», притворство-«лицедейство» или «постоянная ясность», «имаж», «имидж» или антропософия, египетские пирамиды или скифы, Запад или Восток, Африка или/и мистика, охота или сад (а не «вся Природа»), старообрядчество или католичество, или РПЦ (как «самая хорошенькая»?); пятилетки или голый антибольшевизм (ср.: *коммуняки, жириянки, единаки...*), почвенничество или потеря «памяти о родстве», «безмерность», *но не «мера»* (с пренебрежением к Мере); Данте, но не Лейбниц, Рублев, но не Татлин или Фаворский; Равенна, Коктебель, Нотр-Дам, Венеция и/или Васильевский остров (и даже весь Петербург), но не «весь Мир»; Блок или Анненский, или Цветаева, но *не и* Хлебников или *и* NN (ср. сожаления Пастернака о недооценке им ряда поэтов); дисбаланс и дисгармония между лирикой и эпосом; «инерция стиля» (Н. Коржавин) вплоть до метрики-ритмики, даже «теснота строфы» (Ф. Искандер). Забвение «закона обратного величия малого» (и малости «величия»)...

Типологию таких «диалектических помех», пополнение и критику («аудит») их перечня, здесь так же сознательно оставляемого в полухаотическом состоянии, будет важно проецировать на эвристику, если мысль о ее значении, главная в этой статье, не покажется отдающей «дюрингианством», найдет оппонента, согласного с

«принципом сочувствия» С.В. Мейена [Шрейдер, 1994, Григорьев, 2000, по указат.], начнет Диалог.

Что — должно помогать? Излишний здесь перечень установок из круга общих мест настоящая статья и стремится всем своим содержанием как-то конкретизировать и освежить. Так, полускомпрометированное понятие «больших стилей», с двойным дном их «прелести», можно свести к обычному, хотя не всегда и не во всем благотворному влиянию «*сильных* идиостилей» (Анненского на акмеистов и Кушнера; Маяковского на Асеева или Кульчицкого; Цветаевой на Бродского и т. п.). В идее «больших стилей» хотелось бы даже усмотреть зародыши этих представлений о «*сильных идиостилях*», но а-лингвистические поэтики абортировали такие зародыши. Приложения к статье и направлены на службу «позитиву», выход из ступора «декаданса-постмодернизма», на возрождение Авангарда как профильного, а не «дежурного» понятия в исследованиях Серебряного века (см. наши статьи: «Ответ В.В. Полонскому», «Велимир Хлебников у входа в контекстную элиту русской поэзии XX в.» и «В поисках сущности поэмы «Синие оковы» (материалы к комментарию)» [Творчество, 2003, I]).

Лидерству Маяковского в «Словаре современных цитат» К.В. Душенко помогает и особый статус «горлана» в течение десятилетий [Григорьев 2003 б:16]. Часть цитат из его творчества, закономерно ветшая, уходит из употребления, и это не одни только цитаты пафосного, сомнительного или апокрифического характера (типа «ударных заводов», «облития керосином» или «Лобачевского поэзии»), но также ряд «якающих» (типа «я — бесценных слов мот и транжир»; здесь нет угрозы в с е м у классу «цитат с яканьем», но эвристика-то, кажется, реагирует и на категорию лица). Маяковского и Горького процессы ветшания затрагивают сильнее, чем других, однако по-разному. Первого поддерживает дальнобойная эвристика незаурядного остроумия, а ее и его, даже при резонном «фэ» со стороны «хорошего вкуса», просторечие всегда будет готово оценивать как новое и «сильное». Второй — в этом аспекте — из «отстающих».

Самому автору материалы указанных Приложений, как и статистика, касающаяся отбора «сильных» контекстов, которая тоже приводится здесь ниже, помогли и в том отношении, что, вместе с идеей четвертого измерения языка, потребовали пересмотра и круга номинаций вокруг понятия «экспрессема». Былой экспрессоид совершенно не прижился, и признаться в формальном отказе от него нетрудно. Но суть дела сложнее.

Актуализация понятия «эвристика» не может не найти отражения и в судьбе термина «*экспрессема*». Как единица поэтического языка (в предельно широком смысле; см.: [Григорьев 1979 а:60–101, 134–153]) это понятие кажется по-прежнему необходимым. Однако в новых условиях, при расширенных рамках четырехмерного пространства языка, стоит воспользоваться терминологическим предложением Л.А. Новикова. Еще в конце 70-х гг. он считал, что «экспрессему» было бы удобнее именовать *креатемой* — словом с более прозрачной и адекватной внутренней формой, чем *экспрессема*, этимон которого — лат. *expressio* «выражение» — может вызывать иллюзию акцентирования в этом термине сем из такой широчайшей сферы общего (литературного) языка, как «экспрессивно-эмоциональное», не говоря уж об иных семах основы *экспресс-*.

По-видимому, будет полезно, сохранив в основном тот же самый план содержания у понятия «экспрессема», прибегнуть к новационной бифуркации. И тогда «Поэтический Даль», ничего не меняя в самом наборе и существе своих экспрессем, станет словарем креатем, а «сильные» экспрессемы, избираемые для «Поэтического Оже-

гова», в параллель к эвристике, — эвристемами (ср. семантема, синтаксема). Хорошо бы прагматика сама, без дополнительной «наводки», озаботилась поисками подходящих наименований для своих единиц (ср. в общем малую востребованность прагмемы).

Понятия «эвристика» и «эвристема» в том или ином виде, вероятно, окажутся бесполезными также при разработке основ словаря особого рода — «толкового словаря творчества писателя» (~писателей; идея Л.А. Шестаковой).

2. В процессе определения, «избрания» и отбора, получения статистики упомянутых «сильных» контекстов (ну так и тянет называть их *эвристидами*) бросились в глаза «обратные», в сравнении с ожидаемыми, «места» Блока и Хлебникова среди «лидеров», «середняков» и «отстающих» в кругу десяти поэтов — источников работы [Словарь, 2001–2003–]. Отсюда и такая задача этой статьи: вынести на более широкое обсуждение имеющиеся, пусть самые предварительные, результаты. А с ними и вопрос: что может стоять за контрастами в эстетике-эвристике языка у поэтов — контрастами, пока ограниченными небольшим фрагментом конкорданса, но как будто не мнимыми?

Что-то вообще не соплагали «досье» «нашей пары» поэтов. Обратимся к самым кратким их «досье» (полноты здесь не достичь без охвата и уроков А. Белого).

Один — Блок — дворянин, «столичная штучка», домолюб, филолог с интересом и к «мудрым глубинам» символизма, так занимавшим Белого, быстро признанный поэт, творивший «трудно и празднично», но сломленный «ужасом лживой жизни этой». Жертва «Страшного мира» и «неслыханных перемен», свидетель нераздельных и неслиянных «зlob» — *черной и святой*, он оставил завет-символ: «Товарищ! Гляди/ В оба!», — не понятый и не услышанный. Но судьба его поэзии была счастливой: стихи разошлись на цитаты, ими наслаждались и наслаждаются в школе, их изучали в Тарту (ср. учебник Поляк-Тагера и «Блоковские сборники»). Лишь к 60-м годам «язык Блока» начал заметно сдавать как средство охвата новых «невиданных мятежей»: поэты уже покидали и «полублоковскую вьюгу» (А. Межиров; курсив мой; хило и неблагоприятно было отмечено 80-летие замечательного поэта; ср. несоразмерный «пиар Пригова»).

Поиски «нового языка» затянулись, и понятно почему: «*новому мышлению*», упорно не поддающемуся элитариям (ни от новой власти, ни от поэзии), парадигма Блока — ментальный, гносеологический и духовный символ, — живая в ее прелести и неясных потенциях, говорит о себе как о стратегии, в фундаменте которой что-то обветшало (или заметно ветшает?). Новых «бумных парадигм» с установкой на «шумиху и успех» (здесь прошу прощения за невольный «сдвиг» — к метарадости отпрыскам Крученых; у Пастернака *не шумиха, не успех* серьезны) авангардисты (и ~истики) новорусского призыва предлагали «под завязку», но всему сонму «второго авангарда» — далеко до настоящей Парадигмы. Почему? «Игровая деятельность, предоставленная себе самой, не замедлит создать бессмысленные отвлеченные структуры, семантические модели, которые реализуются только в виде своих собственных комбинаций. Таким образом, она не замедлит погрязнуть в незначительности» [Том, 2002, 233–234].

Полагая в 1913 г., что Хлебников «значителен», Блок и позднее не увидел в нем достойного Оппонента и «преемника». Совсем не ясно, разрешатся ли хоть к 2013 г. парадигмальные напряжения и «разнобойный плюрализм» наших дней (и если да, то как). Любопытно, что уже выстраивался спорный ряд «преемств» в виде Пушкин — Хлебников — Платонов — Бродский [Библер, 1993], но откликов и альтернативных

предположений, внимательных и к Блоку, и к поколению Межирова, и к нараставшим волнам масскульта, не последовало (см., впрочем: [Григорьев, 2000, по указат.]).

Д р у г о й — Хлебников — «даже не разночинец», провинциал, стойко бедствующий «странник», не окончивший курсов, но еще студентом сопоставивший привычному симбиозу образ глубоко научно-художественно переосмысленного *метабиоза* (смены). «Поэт-самодель», творянин, увлеченный «осадой времени» еще сильнее, чем «осадой слова», и открыватель «странной парадигмы» с синтезом «воображаемой филологии», «лучших свистов птиц» и «мировой совести». Эстеты гнали его, «заумника», новаторы — «пиарили», «совки» сочли «поэтом для эстетов». В школьном учебнике (1940) те же Поляк-Тагер могли дать портрет Будетлянина лишь благодаря Маяковскому: это он лет 50 «держал на плаву» одного из своих «учителей» (не в мышлении, не в *эвристике*). Чуть интерес к Хлебникову возрос — его «разоблачили» вслед за Ахматовой и Зощенко: видно, был он и в 1948 г. угрозой чему-то «идейно-эстетическому», «языковому».

И сегодня он — не *Веха*, уже не изгой, но «чужак» и «одиноким лицедеем». Что в нем, когда-то «никем не видимом», видит современное Общество, хотя надо бы видеть куда больше и смотреть куда дальше? *Бобзоби и Смехачей, Кузнечика и Зверинец, Собакевну...*, строку «Свобода приходит нагая» (отметим ее препрохвальное участие в «Намедни» у Л.Парфенова 28.09.03; но «купятся» ли на это увлеченные словесными шоу просвещенцы канала «Культура»?)... Бренд «Ладомир»...

В лучшем случае — еще два-три текста (например, «Ручей с холодной водой...»). Почему так неизвинительно мало? В мировой культурологии рейтинг и статус великого поэта-мыслителя, при всех уже имеющихся переводах, по-прежнему близки к нулю. В конце статьи у нас будет случай напомнить о том, как бездумно-добровольно отлучали Будетлянина от «чести русской поэзии». Некогда очень точно было сказано: «Упуская Хлебникова, мы лишаем себя целой перспективы» [Седакова, 1985, 29]. Со временем, увы, ее лишила себя и О.А. Седакова (см. спор с нею: [Григорьев, 2001]).

Три парадигмы привлекают здесь наше внимание: Пушкин, Блок, Хлебников (кроме того, А. Белый и Маяковский). Очевидны различия в «приятии» их идиостилей, стилей мышления, «идеостилей» (см.: [Григорьев, 2000, 29 и др.; с.607: читать не *Чехов*, а *Пушкин*]). Иных парадигм XX века много — серьезных и не очень: были Вяч. Иванов, Набоков, обэриуты, Бродский, есть и Пригов... Пушкин — это очевидная точка отсчета в оценках литературы, поэтому здесь его имя оставим в подтексте. Суть связки Блок — Пушкин при внимании к сходствам и различиям в мировидении, к парадигмам и эвристике, вероятно, скажет о себе кое-что новое. Для связки Пушкин — Хлебников см.: [Григорьев, 2000, 612–633; Григорьев, Колодяжная, Шестакова, 1999]. Дискриминация иных парадигм и «хоть-подпарадигм» как объектов исследования неправомерна, но выбор в этой статье именно парадигм Блока и Хлебникова принципиален.

Стоит подчеркнуть важность самих диалогических (в широком смысле) отношений между деятелями культуры и их парадигмами. Отсутствие хотя бы косвенного диалога между ними, выходящего за пределы незначительных интертекстуальных переключек (уж не говоря об удручающей моде новой эпохи на поиски их мнимостей, обычно и с педализированием квазианаграмм), заставляет вспомнить о словах Мандельштама в его статье «О собеседнике» (1913): «Нет ничего более страшного для человека, чем другой человек, которому нет до него никакого дела», — и сожалеть о невосполнимых потерях из-за (практически) «минус-диалогов» класса Белый — Хлебников или недовнимания (?) бывших «гилейцев» к «скифству» первого и «Скифам» Блока, а «скифов» — к поэме «Ночь в окопе» и «Стихам» 1923 г. или «зангезийству»

(о котором они почти не могли знать, как и о малотиражных изданиях с текстами 1918–1922 гг., не говоря о рукописях, что были закрыты и для них; см. ниже). Отметим одну частность из «Арабесок» (1911): у игры слов *чай* — *чаять* (1906; см.: [Белый А., 1990, 323]) есть параллель в заготовках к поэме «Передо мной варился вар...» (1909; через «башню» Вяч.Иванова?) [Хлебников, 1940, 422]. Ср. тоже раннюю их переключку в *симфониях* и позднюю — в *звуколюдях*.

Для Хлебникова «проглядевшая» его и молчащая о нем, будто на допросе, «элита» куда «страшнее» былых недалеких «разоблачителей». Критиканов и травлю семенили элитарии-*нехотяи* и небрежение к урокам: возможных доводов А.Ф. Лосева, например, против «основного закона времени» и «Рока в мышеловке» мы лишились уже навсегда, «уравнения судьбы» обошел Вяч. Иванов, а за ним выдающиеся филологи, историки, физики, математики, философы (обойдет и В.А. Гинзбург?). Вот Мандельштам — тот отважился на парадигмальный диалог в своих четырехмерных «Восьмистишиях» (см.: [Колодяжная, Шестакова, 2004, Григорьев 2003 а, 2004 в]). У «диалога» Белый — Хлебников, возможно, многое впереди. Так, если оппозицию стих/проза оспорит новая парадигма, требуя от эвристики поверки «дробей» ритм/метр и тема/рема (ср. «дробь» в п.4), понятий «сверхсвободный стих», «авторская интонация» [Творчество, 2003, 60] и др., тогда-то «пособеседуют» всласть концепции «ритма» первого и «ритмов» второго.

3. Для Маяковского Блок — это «лучший из старописательской среды, принявший революцию» (1923), но его поэтика и вся «дорога» почти целиком отвергаются (1921) [Маяковский 4, 220, 12; 21–22]: символизм неприемлем идейно — прощай, и его язык, его парадигма. Блок как живой и «дополняющий» оппонент не был нужен ни АЕФу, ни Маяковскому: марксистская истина всем «ясна», так что «метафизику» Блоку — место в паноптикуме. В этом своего рода «кларистском» мире, по духу сравнимом с будущим «Кратким курсом», Хлебников вслед за символизмом тоже получил щелчок как автор «огромнейших фантастико-исторических работ»: «в основе своей — это поэзия», — такой значимой проговоркой, безапелляционной и довольно двусмысленной по отношению к «поэзии» оценкой Маяковский [12:26] отделил себя в 1922 г. от дела жизни «друга». Да, в этом же некрологе он называл Хлебникова и «Колумбом новых поэтических материков», и «честнейшим рыцарем» и т. д., обращался и к «правильной литературной перспективе» [12:23, 28], но вместе с тем обнаружил, как мало ценил в «учителе» *дух* поэта-Пржевальского, его задачи-«осады», его маршруты, а в «материках» — огромные идейно-эстетические пространства, которые «Колумб» успел-таки собственноручно «возделать» и оставить нам именно как эвристические ресурсы. «Друг»-оппонент тоже оказался ненужным лидеру той левфовой парадигмы, которая «осваивала» на деле свои, существенно по-иному «завоеванные» и осмысляемые «материки».

Отношение Хлебникова к «материкам» Блока иное, прошедшее школу символизма, контакты с Вяч.Ивановым, Кузминым, Ремизовым, болевой разрыв с «Аполлоном» etc., обогащенное и раздумчивой «критикой марксизма». Еще в «Песни Мирязя» и даже после «Ошибки Смерти» мотивы-мифы отмечены у него влиянием Блока (но иронией остранялась уже *вселеннохвостая кошка*, как позднее *Карл* и *Маркс в квадрате*). И для него был значим опыт Вл. Соловьева, но вне «культа» этого мыслителя [Киктев, 1992], а «панзнаковость» и эзотерику символизма Хлебников поверил трезвостью настоящего ученого. Сохраняя символ в своей поэтике, он «заземлил» его в духе критики, развитой Мандельштамом, «пройдя» таким образом и через акмеизм. В 10-е годы Блок для него менее важен, чем Пушкин. Но поэма

«Ночной обыск» (1921), где злоба «убийц святых» (речь «героя»!) звучала резче, чем в «Двенадцати», выводит на первый план по-иному принципиальную, парадигмальную полемику с Блоком. Пока ее обходят, подчеркивая в этих поэмах лишь внешние, бросающиеся в глаза сюжетные сходства [Глинин, 1995].

Близкая «клюквенному соку» *клюква смерти* (1916, [Хлебников, 1986:105; ср. 498–504]) уже драматизировала нашумевшую «пародию» Блока. А вот острый спор моряков вокруг крови в «Ночном обыске»: «Довольно крови! — Крови? Сегодня крови нет! / Есть жижа, жижа и жижа. / От скотного двора людей. / Видишь, темнеет лужа? / Это ейного брата / Или мужа» (до Орвелла было еще далеко). Христу с кровавым флагом — символу парадигмы Блока — соположены *мефа* «сверхверы» и «основной закон времени» Хлебникова. Это они, расширяя и значимые для него язык, поэтику, прежде всего эпос Блока, преобразуют блоковскую *эвристику* — «эстетическую идеологию», *идЕостиль*. «Принцип единой левизны» и всегда сопровождавший *Главздрасмысла* девиз «Хоти невозможного» близки радости Блока от «самой малой новизны», строчке «И невозможное возможно». Но у одного это — афоризмы для более-менее известного — другой движим «странными императивами», раздвигая рамки даже научных парадигм. После «Единой книги» и «основного закона времени» (1920) образ Христа в «Ночном обыске» закономерно, и сим-, и метабиотически, приобретает также черты Числобога. Богохул Старшой называет Христа «девушкой с бородой» — и гибнет. В стихотворении «Если я обращаю человечество в часы...» (1922) эту перифразу автор-поэт уже открыто относит к себе. Оказываясь почти рядом в словарных статьях БОРОДА и ДЕВУШКА [Словарь I, 2001:256, II, 2003:395] упомянутые контексты отчетливо демонстрируют свою *парадигмальность* (в проекции на «Двенадцать»; ср. не идущих к делу «бородатых Венер» В. Розанова в комментариях к новому изданию [Хлебников, 2001, 2: 584]).

Мало того. Старшóму «Ночного обыска» противостоят не только Христос и автор этой поэмы, но и Старший из «Взлома Вселенной». Вот его первые слова в этом «чудесастве» (мистерии): «Все — волны. Мы не на гребне, / А в упадке». Там общими усилиями герои приносят «спасенье народу», но лишь «умом и только мыслью», явно опираясь на «основной закон времени», проверенный, как считал Хлебников, шурфами различной глубины на разных формах движения духа и материи — от космического пространства до событий современности, фактов истории, отношений в музыке, химии, жизни выдающихся людей... В «трехмерном пространстве языка» тесно Будетлянину — творянину и исследователю, и его героям, и всей его парадигме — они живут в четырехмерном пространстве-времени языка, вместе с «волновой функцией», разными подязыками естественных наук и искусства. В духе «принципа единой левизны» уже происходит постепенный, пусть все еще скорее виртуальный, чем реальный, сдвиг к парадигме его автора — Хлебникова. По существу, это и есть переход к четвертому, всеохватывающе всепроникающему, эстетико-эвристическому измерению языка.

4. «Парадигмальной» представляется и прикидочная статистика отбора «сильных» экспресsem и контекстов (по [Григорьев, 2003 6, 2004 6 и др.]) в 182-й статье «Словаря избранных экспресsem» (т. е. эвристеM). Представим ее в самом сжатом виде и в принятых шифрах поэтов. [Словарь I, 2001] на этом отрезке статей, -Б — БЕДНЯЖКА, содержит 404 экспресsemы-креатемы с 2247 контекстами (Анн 89 контекстов, Ахм 122, АБ 241, Ес 130, Куз 143, ОМ 160, М 239, П 303, Хл 275, Цв 545; их распределение по креатемам пока не прослежено). Вот данные по контекстам/эвристемам «на выходе»: Хл 124/64, Цв 103/53, М 69/45, ОМ 52/36, АБ 46/32, П 44/36,

Ахм 34/24, Ес 25/21, Куз 24/18, Анн 24/17. Доля контекстов, сохраняемых в эвристиках: Хл (124/275) 0.45, ОМ 0.32, М 0.29, Ахм 0.28, Анн 0.27, АБ 0.19, Цв 0.19, Ес 0.19, Куз 0.17, П 0.14.

Хл «приватизировал» 31 эвристему (т. е. только его контексты и определили «силу» этих словарных статей), П 16, Цв 13, М 12, ОМ 10, Ахм 7, Куз 6, АБ 5, Ес 4, Анн 2. Общая (средняя) «стойкость» исходного материала при отборе (545/182 < 2247/404): контексты (прошу прощения: эвристики < креативы) 0.24, эвристики < креативы 0.45. Ср. данные о доле «приватизированных» эвристик в кругу всех «своих» эвристик (т. е. тех, в которые вошли контексты и этого поэта, или только его; и здесь обратите внимание на изменение порядка следования поэтов и устойчивое «лидерство» одного имени): Хл 0.48, П 0.44, Куз 0.33, Ахм 0.29, ОМ 0.28, М 0.27, Цв 0.24, Ес 0.19, АБ 0.16, Анн 0.12. Все цифры и «рейтинги» (не только по Блоку и Хлебникову), разумеется, ждут более надежной статистики, а также замечаний «аудиторов».

Выбор-отбор эвристик был начат со всех статей «Поэтического Даля» на букву «А». Тогда-то и обнаружились упоминавшиеся статистические контрасты. Они были тем более неожиданными, что среди слов на А много «западных», для Хлебникова, почти как правило, запретных, а чтобы свести к минимуму субъективные пристрастия именно к нему (сознавая, что «кому-то» от них будет очень нелегко освободиться), требования к «силе» его контекстов чуть ли не нарочито завышались. И вот тем не менее что мы получили в итоге (сопоставляем эти цифры по всем до одной статьи на букву А с цифрами лишь для отрезка статей на Б, отчасти приведенными выше).

[Словарь I, 2001] содержал контекстов/креатив:

А — 2981/802.

Б¹ — 2247/404.

Контексты «на входе» (авторы располагаются в алфавите фамилий, а не шифров! Для А в скобках указано, сколько, в том числе, контекстов с пометой ib.; для Б¹ этих цифр, как и данных о распределении авторских контекстов по креативам, пока нет):

А — Анн 83 (5), Ахм 191 (2), АБ 255 (24), Ес 108 (8), Куз 310 (35),

ОМ 242 (11), М 539 (22), П 410 (12), Хл 176 (27), Цв 667 (97).

Б¹ — Анн 89, Ахм 122, АБ 241, Ес 130, Куз 143,

ОМ 160, М 239, П 303, Хл 275, Цв 545.

Контексты/эвристики «на выходе» (работа на отрезке Б¹ была соотнесена с А не по входным контекстам или креативам, а по выходу эвристик, но не контекстов! Изменения в картинах «лидерства» от выбора иных способов соотнесения данных в альтернативных статистиках едва ли могут стать принципиальными. Но кто знает?):

А — 354/182.

Б¹ — 545/182.

Распределение этих контекстов/эвристик (в скобках: цифра «приватизированных» эвристик; авторы указаны в порядке убывания числа «сильных» контекстов):

А — ОМ 58/37 (23), Цв 57/41 (18), Хл 50/41 (29), М 38/36 (22), П 36/32 (12), Ахм 34/26 (9), АБ 32/26 (8), Куз 24/18 (4), Анн 13/12 (3), Ес 12/12 (4).

Б¹ — Хл 124/64 (31), Цв 103/53 (13), М 69/45 (12), ОМ 52/36 (10), АБ 46/32 (5), П 44/36 (16), Ахм 34/24 (7), Ес 25/21 (4), Куз 24/18 (6), Анн 24/17 (2).

«Вход» > «выход» (контексты/статьи, т. е. в знаменателях — креативы > эвристики):

А — Хл 176/97 > 50/41, ОМ 242/156 > 58/37, Ахм 191/94 > 34/26,

Анн 83/54 > 13/12, АБ 255/89 > 32/26, Ес 108/61 > 12/12,

Куз 310/148 > 24/18, П 410/219 > 36/32,
Цв 667/228 > 57/41, М — 539/214 > 38/36.
Б¹ — Хл 275/91 > 124/64, Цв 545/156 > 103/53, М 239/106 > 69/45, ОМ 160/82
> 52/36, АБ 241/64 > 46/32, П 303/138 > 44/36, Ахм 122/50 > 34/24, Ес 130/57 >
25/21, Анн 89/47 > 24/17, Куз 143/63 > 24/18.

Средняя доля контекстов, сохраняемых эвристемами:

А — 0.12 (354 < 2981).

Б¹ — 0.24 (545 < 2247).

(С чем надо связать такие различия по буквам в степени компрессии, пока неясно. Возможно, и с чрезмерной жесткостью отбора на первых порах, как и с либерализмом на отрезке Б¹. Не исключено, что и со спецификой самих слов на А; ср. союз а.)

Суммарная общая доля сохранения контекстов (мера компрессии в «Поэтическом Ожегове»):

А + Б¹ ((354 + 545) < (2981 + 2247) = (899 < 5228) = 0.17.

Распределение доли таких сохраняемых контекстов по авторам:

А — Хл (50<176) 0.28, ОМ 0.24, Ахм 0.18, Анн 0.16,

АБ 0.12, Ес 0.11, Куз 0.08, П 0.08, Цв 0.08, М 0.07.

Б¹№ — Хл (124<275) 0.45, ОМ 0.32, М 0.29, Ахм 0.28, Анн 0.27,

АБ 0.19, Цв 0.19, Ес 0.19, Куз 0.17, П 0.14.

Суммарные авторские доли:

Хл (174 < 451) 0.38, ОМ 0.27, Ахм 0.22, Анн 0.21, АБ 0.16,

Ес 0.15, М 0.15, Цв 0.13, П 0.11, Куз 0.11.

Суммарные коэффициенты отбора:

А — контекстный 0.12, креатив в эвристемы 0.23.

Б¹№ — контекстный 0.24, креатив в эвристемы 0.45.

Средние коэффициенты «стойкости» по всему материалу А и Б¹:

контекстный 0.17,

креативный 0.3.

(Повторимся: данных о «стойкости» личных и общественных креатив на пути их становления эвристемами для каждого из поэтов пока не собрано ни для А, ни для Б¹.)

5. Автору представляются более чем любопытными полученные таким опытным, но, конечно, лишь относительно независимым от «возмущений» и «шумов» путем общие показатели по всем 10 поэтам — нашим источникам. Предварительность этих данных настойчиво подчеркнем. Их обсуждение, на которое мы рассчитываем, позволило бы в той или иной мере уточнить полученную здесь картину и углубить ряд представлений филологии об эстетике слова в XX веке. Более строгие, чем использованные, подходы и подсчеты, несомненно, уточнят также смысл статистических распределений. Поэтому не станем торопиться с адекватной, многомерной интерпретацией приведенных данных и тем более — с легковесно однозначной (вроде «Хл — безусловный «лидер», АБ — «средняк»!).). Снова обратимся к вопросам, связанным и с «измерениями языка».

Имя пространства, в котором, пробуя проложить маршрут и намечая ориентиры, мы располагаем лишь схемой координат, хотелось бы прочно связать с Хлебниковым. Оно, однако, могло бы отзываться и на разные легитимные «отчества», так как в нем заметно также кое-что «гумбольдовское» («энергичное»), «лобачевское», «потемнинское», «постсоссюровское» и то, чем оно обязано в своем выявлении ряду

других упомянутых выше вех XX века на основе главного — эвристической природы самого языка.

Инерция игровых, т. е. развлекательных, подпарадигм постмодернизма и маскульта (а-эвристических, чтобы не сказать некорректно: «одномерных») не должна помешать развивающей и многообещающей Игре со смыслами иерархий, которые представлены выше перечнями цифровых показателей. Условно принимая их за «истинные», полезно продумать разные следствия предлагаемых ими «истин» для характеристик творчества каждого из поэтов, причины стойкости и переменчивости «местничества», возможные пере- и недооценки реальных ролей/мест и тенденций в современных аксиологиях. Ясно, что к истинности без кавычек не пробиться без многомерных оценок *качества* «сильных» контекстов, отобранных в Приложения. Отсюда — пожелания: «индексации качества» как задачи для экспертов; номинации «Контекст года» — для всего Общества.

В такой Игре литературоведам и лингвистам пришлось бы искать единый (мета) язык обсуждений, а для этого лишний (или первый) раз заглянуть в «Зангези», «плоскость мысли IX», чтобы, через эстетику «звездного языка», представить себе всю гамму видов разума, необходимых для успеха: *Выум* и *Ноум*, *Гоум* и *Лаум*, и др. из большого списка (см. их определения: [Хлебников, 1986:483]), особенно *Раум* — «не знающий границ, преград, лучистый, сияющий ум», — а также в статью «Литературная Москва» Мандельштама (1922), настаивавшего, что «изобретенье и воспоминание идут в поэзии рука об руку». В серьезной Игре они, память (слова и контекста) и «эвристический выдум», должны действовать так же неразделимо. Заметим, что в контекстах из наших Приложений спонтанно заявила о себе как активная и основа *изр*.

Другие вопросы. Например, о том, насколько различными могут оказаться цифры, полученные участниками работы на соседних отрезках «Поэтического Даля» (после взаимной коррекции отобранного); подтвердятся ли значительные расхождения в цифрах по Блоку и Хлебникову; подкрепят ли они, и если да, то в какой мере, самое идею парадигмального противостояния этих двух эвристик; как все же изменится картина статистических распределений, если порции «входного» материала начать выравнивать по числу контекстов или креатем, а не исходя от числа эвристем; наконец, как скажется на «природе эвристем» понятийная и этическая роль в жизни общества той или иной креатеми (ср. комментариев к статьям ГРЕХ, ДЕНЬ и ДЕНЬГИ в работе [Григорьев, 2003 б:19–23]; ее статистику мы уточнили, но главные идеи потребуют развития и проверок). Этот последний вопрос об особом рода *идеографии* креатем и эвристем перерастает в головоломную проблему «идеографической с и л ы» стоящих за ними денотатов (в некоем «пятимерном пространстве-времени»?!).

Уже здесь и сейчас нельзя абстрагироваться от значительных различий между поэтами в отношении суммарных объемов тех авторских источников — текстовых материалов, на которых [Словарь, 2001–] выстроил свою единую базу данных, как и от пестроты текстологических уровней ее источников. Так же ясно, что наши начальные грубоватые «глазомерные съемки» в 4-мерном пространстве поэзии и ее языка в дальнейшем должны будут учитывать у поэтов и детали хронотопа, дифференцируя контексты: важно, какая именно их часть относится к «поэзии третьего тома» у АБ, к «до 1921 г.» у ХЛ, «до 1930 г.» у П, к «после России» у Цв, к «первому тому» у М и т. п.

Ранее, почти «на глазок», мы предполагали, что общая *мера* задуманной компрессии для контекстов будет близка к десятикратной, а словник экспресsem сократится при этом существенно менее чем в 10 раз [Григорьев, 2003 б, 23]. Первые опыты говорят о том, что (хотя бы на отдельных волнах материала) мера контекстной комп-

рессии примерно такова, а набор экспресsem (теперь уже *креатем* при их трансформации в *эвристиемы*) сохраняется даже более чем в четвертой-пятой части...

Основные задачи этой публикации могли бы считаться выполненными. Внимание филологов еще раз привлечено к понятию экспресsemы как единицы поэтического языка, которая, полуподобно падежной или словообразовательной «малой парадигме», упорядочивает разные трансформы художественной, в данном случае — стихотворной, речи. Вместе с тем выдвинуты «трансформы» понятия «экспресsemа» — идея 4-го измерения языка и термины *эвристика*, *креатема* и *эвристиема*. На суд велимироведов (и не только им!) ниже предлагается начальная, но вполне ответственная выборка «сильных» контекстов Хлебникова на всем множестве его стихотворных строк и строф, вошедшем в [Словарь, 2001], но пока лишь по материалам статей на букву А (зато и в соположении с Блоком, и в эвристиемной полноте). Особая желательность обсуждения нашей выборки и статистики связана также с тем, что, отсеивая относительно «слабые» контексты, мы следовали принципу равенства контекстов перед системой применяемых критериев отбора (это — очевидная или впервые обнаруженная/утверждаемая идейно-эстетическая значимость конкретного контекста; его известность, гесп. цитируемость; (прото)афористичность; возможная трансформируемость; слово в контексте заглавия, особо яркого образа; этические моменты — ср. помету *Хм.* и т. д.; подробности — опять же в работе [Григорьев, 2003 б]). Как-то все это выглядит при взгляде со стороны?..

Вместе с тем и упомянутая помета *Хм.*, и пересечения эвристики с этикой (ср. «принцип интеллигентности» Чехова [Григорьев, 2000, по указат.] с Этикой как частью Эстетики у Витгенштейна; см. п.1), и внимание к еще одной вершине в треугольнике отношений Блок — Хлебников — Маяковский заставляют снова обратиться к парадигме Маяковского. Тоже не исчерпанную, но долгое время выступавшую в роли былой екатерининской «картошки» (Пастернак), ее обрекли (как и самого ее застрельщика) на затянувшуюся «вторую смерть». Приходится сказать, что «горлан-главарь» не познал (пока?) «второго рождения» в кругу, возможно, достойных восприемников, а не тех, кто десятилетиями бездумно «писал под Маяковского». Его эвристика, очищенная от претенциозных наслоений, выросших на ней под флагом «большого стиля», и вся «сила контекстов», живых и сейчас, заслуживает отдельного нелегкого идиостилюевого, но не в изоляции от идЕюстиля и интеридиостилистики, исследования.

Дело в том, что трудности здесь обусловлены и рядом этических моментов, в том числе продолжающимися спекуляциями на драме Хлебникова. На исходе 1921-го, необыкновенного «болдинского года» (таким был у него и 1920-й), он возвращается в Москву и проводит свою последнюю, великую и печальную «болдинскую весну» в постоянных контактах с Маяковским. Рукописи, оставленные последнему почти три года назад, но так и не изданные, к автору не вернулись. Кто бы конкретно ни был в этом виноват, Хлебникова оттолкнуло полнейшее равнодушие друга к их судьбе, очевидной своей потребности в них и к усилиям других людей напечатать никому тогда не известные «Зангези» и «Доски судьбы». В этой связи в 1922 г. и годы спустя было сказано немало «сильных» несправедливых слов. Но уже давно ни один ученый не обвиняет Маяковского в «краже», «укрывательстве» или «сокрытии» рукописей (как когда-то не только сам Хлебников и преданный ему П.В. Митурич), в «варварстве» или «лицемерии». Обсуждается же нечто совсем иное: оправдывает ли современный «суд чести» имевшее место «полупилатство»; если угодно, пренебрежение обязанностями, долгом друга, *неоказание* другу той помощи, в которой он прежде

всего нуждался; если угодно, измена *такой* многолетней дружбе и *надеждам* друга на нее?

Поэтому попытки снять с Маяковского как «друга» всякую его *моральную* вину в этом «деле» затасканными ссылками на *узкоюридические* «свидетельства-показания» (Винокура и Якобсона 1924 г. в записной книжке поэта), даже на 4 млн. руб. помощи умирающему (другие помогали и суммами, и *делами*; кстати, если в 4 млн. нет и тени «отступного», много ли в них нынешних рублей, евро или \$?) — эти попытки просто не идут к делу. А швырки из тонированного такими подтасовками стеклянного дома, возведенного на песке, негодующих камушков в Сеть (<<http://www.vremyamn.ru>>) и оппонентов вовсе не «ставят точку» в проблеме «оправдания». Смысл этой «точки» иной: нравственная глухота монологаиста, отводящего нам глаза от того в поведении «подзащитного», что до боли отдавало «умыванием рук», уводит из столкновения парадигм и эвристик великих поэтов именно этический компонент, а это он в конце-то концов и развел их человечески и эстетически [Григорьев, 2002:232–242]. При том, что «неузнаваемый», «смущавшийся» в конце апреля 1922 г. Маяковский, видимо, сам осознавал что-то вроде «вины за развод» (ср. [Андриевский, 1985:241]; в Сети это свидетельство, разумеется, обойдено; «сокрыто?»), публично он так и не раскаялся.

Что касается «лицемерия», за ним полезно обратиться к Шкловскому. Панегрист на словах в отношении к Хлебникову, он все-то просил прощения за недостаток ученого внимания к поэту (и свой недосуг), поминал его по разным поводам. А кончил тем, что мерзейшим образом «остран(н)ил» Будетлянина на своих страницах, отложенных до и дождавшихся 100-летия «себя, любимого», указав желающим, как пляшут на чужой (и своей) могиле (см.: [Григорьев, 2000:21]). Дикость, варварство и цивилизация нередко и сегодня предстают в одной упаковке. Вот так «раскаялся» Шкловский.

О парадигме Хлебникова еще будет сказано далее, в абзацах, заключающих статью. Пока же предлагаем читателю «контекстную элиту» Блока и Хлебникова по букве А, сначала как таковую, затем во всей полноте эвристемного круга. В словаре эвристы способны говорить достаточно красноречиво сами за себя, кое-где нуждаясь лишь в комментаторской поддержке лексикографа. Но это — пока. Да и сейчас, конечно, такой поддержки уже недостает (ср. перспективную идею Л.А. Шестаковой; см. выше в конце п.1). Правда, каждый читатель — и сам по себе потенциальный комментатор едва ли не для любого из предпочтенных (а также для «излишних» и почему-либо недооцененных составителей) контекстов. Надо настойчиво повторить: наш коллектив чрезвычайно заинтересован во внимании таких комментаторов-оппонентов-немонологаистов.

Графика Приложений упрощена (ср. [Словарь, 2001–]). Заглавия рассматривались как «сильные» вне конкурса. РП — речь персонажа, НАР — несобственно-авторская речь.

Приложение 1

«КОНТЕКСТНАЯ ЭЛИТА» БЛОКА И ХЛЕБНИКОВА В СТАТЬЯХ ПО БУКВЕ А

АВИАТОР АВИАТОР [*посв.* летчику В.Ф. Смиту] *Загл.* АБ910–11

АВОСЬ В бурю родились, плывем на а., Смотрим загадочно, грозно и чудно. Хл913 (245); А., и распарит кручину Хлебнувшая чаю душа! АБ915 (III,155)

АВСТРАЛИЙСКИЙ О, Сад, Сад! <...> Где у австралийских птиц [о лирохвостах] хочется взять хвост и, ударяя по струнам, воспеть подвиги русских. Хл909,11 (185)

АВСТРИЙСКИЙ Эх ты, горе-горькое, Сладкое житье! Рваное пальтишко, Австрийское ружье! НАР АБ918 (III,351)

АВТОРИТЕТНО выпивший рабочий А. говорил другим, Что губит каждый день людей вино. Ирон. АБ907 (II,295)

АД ПЕСНЬ АДА Загл. АБ909 (III,15); Для иных ты — и Муза, и чудо. Для меня ты — мученье и ад. АБ912 (III,9); Ты [художник] знай, Где стергут нас ад и рай. АБ919 (III,301)

АДАМ Страна, где все люди Адамы, [о Персии; игра слов: адам (*перс.*) — человек] Хл921 (348)

АЗ [*мн.* — *перен. разг.* — начальные сведения] АЗЫ ИЗ УЗЫ Загл. Хл919–20–22 (466)

АЗБУКА Начертана событий а.: Живые люди вместо белого листа. Хл922 (363)

АЗИАТСКИЙ Мы обернемся к вам Своею азиатской рожей! АБ918 (III,360)

АЗИАТЫ Да, скифы мы! да, а. мы, С раскосыми и жадными очами! АБ918 (III,360)

АЗИЯ АЗИЯ Загл. Хл919–20–22 (467); О, А.! Себя тобою мучу. Хл919–20–22 (469)

АИ [вид шампанского вина] Я послал тебе черную розу в бокале Золотого, как небо, аи. АБ910 (III,25)

АЙДА Ну, тащися, Сивка / Шара земного. / А. понемногу! Аллюз. Хл922 (173)

АКАДЕМИЯ [*в назв.*] И родной для сердца звук — Имя Пушкинского Дома в Академии Наук! АБ921 (III,376)

АКИ [*ст.-слав.* — как] Но вот нечаянный звонок: «Мы погибоша, аки обре!» РП Цит. Хл919 (116)

АКТЕР Актеры, правьте ремесло, Чтобы от истины ходячей Всем стало больно и светло! АБ906 (II,123)

АЛЕЙ [*сравн. ст. прил.* АЛЫЙ] И знаменб, а. коня, Когда с него содрали кожу, Когтями старое казня, Летите, на орлов похожи! РП [видимо, монолог В.И. Ленина] Хл920 (275)

АЛЕКСАНДР [А.А. Блок] Александру Блоку Посв. Ахм914 (75); Предстало нам — всей площади широкой! — Святое сердце Александра Блока. Цв920 (I,293); На руках во гробе серебряном Наше солнце, в муке погасшее, — Александра, лебеда чистого. Ахм921 (160.2)

АЛЕКСЕВНА см. КНЯГИНЯ Цит. АБ919 (III,314)

АЛЕТЬ Алых чернил взаймы у крови <...> Время берет около Троицы, Когда алым пухом Алеют леса-недотроги [в Иране] Хл921 (348)

АЛЕША [А.Е. Крученых] АЛЕШЕ КРУЧЕНЫХ Загл. Хл920 (126)

АЛИ [*союз.*; *прост.*; или] Аль не вспомнила, холера? Али память не свежа? НАР Бран. АБ918 (III,352.1); Али руки не в крови Из-за Катькиной любви? РП АБ918 (III,356.1); «Что задумался, отец? Али больше не боец? <...>» РП Хл920 (275)

АЛЛАХ Я верю, Я верю, что некогда «Майна!» Воскликнет Будда или А.. [*рфм.* к в чехлах] Хл915–19–22 (455)

АЛМАЗ Созрела новая порода, — Угль превращается в а.. [*рфм.* напоказ; о сме-не поколений] АБ919 (III,301)

АЛОБРОВЫЙ [*нов.*] Там [за лесами] тетеревов алобровых и седых глухарей, Заснувших под снегом, будет лапой Тяжелой давить [о волке] Хл921 (153)

АЛОЕ [*субст. прил.*] — Мать, а мать! Держи ответ! Белой сволочи нет? <...> А я стара, гость! А., белое, Белая кость. Где тут понять? РП Хл921 (317) [см. тж БАЛУЯ Хл920 (122)]

АЛОРАТНЫЙ [*нов.*] Почему Бойцов суровые ладони Хватают мертвых за виски И алоратные полки Летят веселием погони? Хл920 (275)

АЛОШАРЫЙ [*нов.*] Мы входим в город Солнцестана, Где только мера и длина. Где небо пролито из синего кувшина, Из рук русалки темной площади, И алошарая вершина Светла венком стеклянной проседи, Хл920 (118.3)

АЛФЕРОВО [село в Ардатовском уезде б. Симбирской губ.] АЛФЕРОВО *Загл.* Хл910 (70)

АЛЫЙ будет сорванною с петель, И поперек желанья бога, Застава к алому чертогу, Куда уж я поставил ногу. РП [монолог В.И. Ленина] Хл920 (275); Я род людей сложу как части Давно задуманного целого. Рать алая! Твоя игра! Нечисты масти У вымирающего белого! РП *ib.*; Учебников нам скучен щебет, Что лебедь черный жил на юге, Но с алыми крылами лебедь Летит из волн свинцовой вьюги. Хл920,21 (281); Где битвы алое говядо Еще дымилось от расстрела, Идет свобода Неувяда, *ib.*; прошло два в двенадцатой Степени дней Со дня алой Пресни. РП Хл920–22 (491); Железо и железо! Где зелень прежняя? Трава бывала? И знамя алое? Хл921 (342); вечерние гаснут лучи, Ясная зайчиков алых чума В зелени прежней, кладбище солнца, темнеет, пора! Хл922 (363); Кап, кап, кап! Падали вишни в кувшин, Алые слезы садов. *ib.* [см. тж АЛЕТЬ]

АЛБ [*нов.; вар. к АЛОСТЬ*] Друзья! И мальчики! Давайте этими вселенными Играть преступно в альчики. И парусами вдохновенными Мы тронем аль чеки. Хм. Хл922 (363)

АЛБЧИКИ [*обл.; игра в кости*] см. АЛБ Сущ.

АМЕРИКА НОВАЯ АМЕРИКА *Загл.* [о России] АБ913 (III,268)

АМЕТИСТ АМЕТИСТ *Загл.* АБ900 (I,459.2)

АМУР [в др.-рим. мифологии — бог любви] Туда, туда, где Изана<м>и Читала «Моногатари» Перуну <...>, Где А. целует Маа-Эму, А Тиэн беседует с Индрой, <...> И Хокусаем восхищена Астарты, — туда, туда! Хл920,21 (281)

АНАЛОЙ И вспомнил я тебя пред аналоем, [*рфм. к роем*] АБ908 (III,64)

АНГЕЛ [а. и А.] Мой Друг, мой А., мой Закон! АБ902 (I,515.3); СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛ *Загл.* АБ909 (III,133); Так вонзай же, мой а. вчерашний, В сердце узкий французский каблук! АБ911 (III,31); Страна — под бременем обид, Под игом наглого насилия — Как а., опускает крылья, Как женщина, теряет стыд. АБ919 (III,339)

АНГЕЛЬСКИЙ Заплетаем, расплетаем Нити дьявольской Судьбы, Звуки ангельской трубы. АБ906 (II,112)

АНГЛИЙСКИЙ [*прил.*] Толпы последних поколений, Быть может, знать обречены, О чем не ведал старый гений [Шекспир] Суровой Английской страны. АБ900 (I,455.1)

АНДРЕЙ [А.Белый] АНДРЕЮ БЕЛОМУ *Загл.* АБ904 (II,313)

АННА [А.А.Ахматова] АННЕ АХМАТОВОЙ *Загл.* АБ913 (III,143)

АННА [донна А.; лит. персонаж] А., А., сладко ль спать в могиле? Сладко ль видеть неземные сны? АБ910–12 (III,80)

АНЧАР А вы, старейшие из старых, Старее, нежели Додо, Идите прочь! Не на анчарах Вам вить воробушка гнездо. Хл915 (95.1)

«АПОЛЛОН» [*назв.; лит. журнал, издававшийся С.К. Маковским в нач. XX в. в Петербурге*] ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШУТКА НА РОЖДЕНИЕ «АПОЛЛОНА» *Подзаг. [к диалогам «Чертик»]* Хл909 (391)

АПТЕКА Ночь, улица, фонарь, а., Бессмысленный и тусклый свет. Живи еще хоть четверть века — Все будет так. Исхода нет. // Умрешь — начнешь опять сначала,

И повторится все, как встарь: Ночь, ледяная рябь канала, А., улица, фонарь. Хм. АБ912 (III,37)

АРАБСКИЙ Скажи мне, чертежник пустыни, Арабских песков геомётр, Уже ли безудержность линий Сильнее, чем дующий ветер? [*обращ. к В. Хлебникову*] ОМ933–34 (203.2) [NB: в статье т.1 Словаря (2001) контекст не представлен!]

АРАПИК Бабка заплакала. Вся побледнела. <...> «Барин, а барин! Спасите меня!» <...> «Арапником будет Спаситель, Ты ему [щенку] matka, Кабыздох был родитель». РП Хл921 (296)

АРОМАТ Ведь я — сочинитель, Человек, называющий все по имени, Отнимающий а. у живого цветка. АБ908 (II,288)

АРФА АРФЫ И СКРИПКИ *Загл.* АБ908–16 (III,158); Усыпленные жизнью струны Напряженной, как а., души. АБ912 (III,202)

АСПАРУХ [или Исперих (ок. 644 — ок.700) — хан протоболгарской державы] АСПАРУХ *Загл.* Хл911 (417)

АССИРИЯ На Ассирию башен намеки, [об Астрахани] Хл913 (245)

АСТАРТА [в зап.-семит. мифологии — богиня любви, плодородия] см. АМУР и ТУДА Хл920,21 (281)

АСЬ [*в знач. сущ. РАЗ; прост.*] Я, человечество, мне научу Ближние солнца честь отдавать! «Ась, два», — рявкая солнцам сурово. НАР? Хл921 (133)

АТЛАНТИДА ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ *Загл.* Хл912 (216)

АУКАТЬ Ветер сосною люлюкает, Кто-то поет и аукает, Веткой стокою стучает. Хл921 (159)

АУКАЯ [*разг.*] Я [русалка] белорукая, Я белокожая, Ручьям а., На щук похожая, РП Хл912 (222)

АУЛ Аул рассыпан был, казались сакли Буквами нам непонятной речи. Хл921 (145)

АФРИКА Другую жизнь узнал тот угол, Где смотрит Африкой Россия, [об Астраханском крае] Хл913 (245)

АХ [*междом.*] Вон там на дорожке белый встал и стоит виденнега! Вечер ли? Дерево ль? Прихоть моя? Ах, позвольте мне это слово в виде неги! Хл909 (59); Ах, мусульмане те же русские, И русским может быть ислам. Хл913 (245)

А-ХА-ХА [*нов.*] Ветер баловень — а-ха-ха! — Дал пощечину с размаха, Судно село кукарачь, Скинув парус, мчится вскачь. Хл920–21 (129)

АХАЯ Ухая, охая, а., всей братвой Поставили поваленный поезд, На пути — катись. Хл921 (167.2)

АХМАТОВА [псевдоним; Анна Андреевна Ахматова (Горенко) (1889–1966) — рус. поэтесса; см. *тж* АННА] АННЕ АХМАТОВОЙ *Загл.* АБ913 (III,143); И пока над Царским Селом Лилось пенье и слезы Ахматовой, Я, моток волшебницы размазывая, Как сонный труп, влачился по пустыне, Хл921–22 (166)

А-ЦА-ЦА [*нов.? междом.*] см. ВОЛНА Хл920–21 (129)

Приложение 2

ЭКСПРЕССЕМЫ-ЭВРИСТЕМЫ В СБОРЕ СТАТЕЙ ПО БУКВЕ «А»

А [*союз, част., междом.*] А НЕБО БУДУЩИМ БЕРЕМЕННО... *Загл.* ОМ923 (306); ...а так как мне бумаги не хватило, Я на твоём пишу черновике. И вот чужое слово проступает, Ахм940 (274)

АБАЖУР ПОД ЗЕЛЕНЫМ АБАЖУРОМ *Загл.* Анн900 (79.2); Посмотри, как преображена огневой кожей абажура Конура, край стены, край окна, Наши тени и наши фигуры. П956 (II,77)

АББАТ АББАТ *Загл.* ОМ915 (102)

АБЗАЦ Глотатели пустот, Читатели газет! Газет — читай: растрат, Что ни столбец — навет, Что ни а. — отврат... *Ирон.* Цв935 (II,334)

АБРИС Одной лилеи белоснежной Я в лучший мир перенесу И аромат и а. нежный. Анн900-е (173.3)

АВБА На меня наставлен сумрак ночи Тысячью биноклей на оси. Если только можно, Авба Отче, Чашу эту мимо пронеси. [*парафраз обращ.* Иисуса Христа к Богу Отцу] П946 (III,511.1)

АВГУРЫ — Пушкин — в роли русопята? Ох, брадатые а.! Задал, задал бы вам бал Тот, кто царскую цензуру Только с дурой рифмовал, *Ирон.* Цв931 (II,281)

АВГУСТ [*назв. месяца*] АВГУСТ *Загл.* Анн900 (61); Тот а., как желтое пламя, Пробившееся сквозь дым, Тот а. поднялся над нами, Как огненный серафим. [о нач. Первой мировой войны] Ахм915 (165.2); И — месяц Цезаря — мне а. улыбнулся. [*назв. месяца связано с именем рим. императора Августа Октавиана*] ОМ915 (105.2); ПСКОВСКОЙ АВГУСТ *Загл.* Куз917 (180); А. — астры, А. — звезды, А. — грозди Винограда и рябины Ржавой — А.! Цв917 (I,334.1); ночи августа/ звездой набиты/ нагусто. М926 (193); ДЛЯ АВГУСТА *Загл.* Куз927 (306); АВГУСТ *Загл.* П953 (III,525); Шестое августа по-старому, Преображение Господне. *ib.*

АВДОТЬЯ [*вар. к*] ЕВДОКИЯ; Евдокия Федоровна Лопухина (1669–1731) — первая жена Петра I И царицей Авдотей заклятый, Достоевский и бесноватый Город в свой уходил туман, [по ист. легенде, Лопухина прокляла Петербург словами: «Быть пугу месту сему!»] Ахм940 (286)

АВИАТОР АВИАТОР [*посв. летчику В.Ф.Смиту*] *Загл.* АБ910–11 (III,33)

АВОСЬ В бурю родились, плывем на а., Смотрим загадочно, грозно и чудно. Хл913 (245); А., и распарит кручину Хлебнувшая чаю душа! АБ915 (III,155)

«АВРОРА» И дымом пламенной «Авроры» Взошла железная заря. Ес925 (III,40)

АВСТРАЛИЙСКИЙ О, Сад, Сад! <...> Где у австралийских птиц [о лирохвостах] хочется взять хвост и, ударяя по струнам, воспеть подвиги русских. Хл909,11 (185)

АВСТРИЙСКИЙ Эх ты, горе-горькое, Сладкое житье! Рваное пальтишко, Австрийское ружье! НАР АБ918 (III,351)

АВТОГРАФ Через все вам лицо — а.! *Презр.* Цв932–35 (II,308)

АВТОМОБИЛИЩЕ АВТОМОБИЛИЩЕ *Загл.* *Детск.* ОМ926 (329.2)

АВТОМОБИЛЬ Меж стволов снуют автомобили, — Золотые майские жуки. Цв[911] (I,162) [*см. тж* ВСЕЕВРОПЕЙСКИЙ АБ909, РОЖОК АБ910]

АВТОПОРТРЕТ АВТОПОРТРЕТ *Загл.* ОМ[913] (295)

АВТОР СЕБЕ, ЛЮБИМОМУ, / ПОСВЯЩАЕТ ЭТИ СТРОКИ АВТОР *Загл.* М916 (61) [*см. тж* КНИГА ОМ930]

АВТОРИТЕТНО выпивший рабочий А. говорил другим, Что губит каждый день людей вино. *Ирон.* АБ907 (II,295)

АГИТАТОР Слушайте, / товарищи потомки, / агитатора, / горлана-главаря. М929–30 (600)

АД ПЕСНЬ АДА *Загл.* АБ909 (III,15); Для иных ты — и Муза, и чудо. Для меня ты — мученье и ад. АБ912 (III,9); Мы не пророки, даже не предтечи, Не любим рая, не боимся ада, ОМ912 (82); А та, что сейчас танцует, Непременно будет в аду. Ахм913 (52); Лучше буду Полымем пылать в аду! Цв918 (I,383.2); Ты [художник] знай, Где стерегут нас ад и рай. АБ919 (III,301); Помножим Нужду на нежность, ад на рай, <...> И мы получим этот край. [о Грузии] П930 (I,374)

- АДАЖИО Мы с тобой в Адажио Вивальди Встретимся опять. Ахм963 (233)
 АДАМ Довольно жить законом, / данным Адамом и Евой. М918 (81); АДАМ
 Загл. Куз919–20 (227); Страна, где все люди Адамы, [о Персии; игра слов: адам
 (перс.) — человек] Хл921(348); ПЕРВЫЙ АДАМ Загл. Куз922 (273)
 АДМИРАЛТЕЙСТВО АДМИРАЛТЕЙСТВО Загл. ОМ913 (88.1)
 АДОВЫЙ Товарищ Ленин, / работа адовая / будет сделана / и делается уже.
 М929 (358)
 АДРЕС Петербург! У меня еще есть адреса, По которым найду мертвецов голо-
 са. ОМ930 (168.2)
 АДРИАТИКА О, если б распахнуть, да как нельзя скорее, На Адриатику широ-
 кое окно. ОМ933,35 (195)
 АДСКИ Молот жизни мучительно, а. тяжел, И ни искры под ним... красоты...
 Анн901 (76)
 АДСКИЕ [субст. прил.] Нас мало. Нас, может быть, трое Донецких, горячих и
 адских [рфм.: солдатских] П921 (I,203)
 АЗ [мн. — перен. разг. — нач. сведения] АЗЫ ИЗ УЗЫ Загл. Хл919–20–22 (466)
 АЗБУКА Начертана событий а.: Живые люди вместо белого листа. Хл922 (363)
 АЗИАТСКИЙ Мы обернемся к вам Своею азиатской рожей! АБ918 (III,360);
 Ты, Рассея моя... Рас...сея... Азиатская сторона! Ес923 (II,123)
 АЗИАТЫ Да, скифы мы! да, а. мы, С раскосыми и жадными очами! АБ918
 (III,360); Поэты — все единой крови. И сам я тоже азиат Аллюз. Ес924 (II,207)
 АЗИЯ АЗИЯ Загл. Хл919–20–22 (467); О, А.! Себя тобою мучу. Хл919–20–22 (469);
 Золотая дремотная А. Опочила на куполах [рфм. к вязевый] Ес922–23 (II,121); Культура
 нужна. / А мы — / Азия-с! [рфм. к базис] РП Ирон. М927 (534); Ты, А., — родина родин!
 Вместилище гор и пустынь... Ахм944 (327) [см. тж АРМЕНИЯ ОМ930 (162.3)]
 АЗОРСКИЕ [в назв.] Вот и жизнь пройдет, / как прошли А. / острова. М925 (176)
 АЗРАИЛ [или Израил; в мусульманской мифологии — ангел смерти] АЗРАИЛ
 Загл. Цв923 (II,168.1)
 АИ [вид шампанского вина] Я послал тебе черную розу в бокале Золотого, как
 небо, аи. АБ910 (III,25)
 АЙДА Ну, тащися, Сивка / Шара земного. / А. понемногу! Аллюз. Хл922 (173)
 АЙЯ-СОФИЯ [храм Св.Софии в Константинополе] АЙЯ-СОФИЯ Загл. ОМ912
 (83); Быть может, мы Айя-София С бесчисленным множеством глаз. [рфм. к живые]
 ОМ933–34 (203.1)
 АКАДЕМИЧЕСКИЙ рисующие себе грядущее / огромным академическим пай-
 ком. Ирон. М921(95)
 АКАДЕМИЯ [в назв.] И родной для сердца звук — Имя Пушкинского Дома в
 Академии Наук! АБ921(III,376)
 АКВАМАРИН А. и хризопраз Сине-зеленых, серо-синих, Всегда полужакры-
 тых глаз. Цв913 (I,185)
 АКВАРЕЛЬ АКВАРЕЛЬ Загл. Цв[909] (I,40.2)
 АКИ [ст.-слав. — как] Но вот нечаянный звонок: «Мы погибоша, аки обре!» РП
 Цит. Хл919 (116)
 АКМЕИСТИК футуристики, / имажинистики, / акмеистики, / запутавшиеся в
 паутине рифм. [рфм. к мистики] Ирон. М921 (95)
 АКРОПОЛЬ О, Европа, новая Эллада, Охраняй А. и Пирей! ОМ916 (114.2)
 АКРОСТИХ АКРОСТИХ Загл. [посв. В.Я. Брюсову] Куз908 (126); Отростки
 ливня грязнут в гроздьях И долго, долго, до зари Кропают с кровель свой а., Пуская
 в рифму пузыри. П922 (I,220)

АКТ Версты обвинительного акта. П926–27 (I,332); Все уже на местах, кто надо, Пятым актом из Летнего сада Веет... Ахм940 (283)

АКТЕР Актеры, правьте ремесло, Чтобы от истины ходячей Всем стало больно и светло! АБ906 (II,123); милые актеры без большого таланта, принесшие школу чужой земли, Куз907 (21); Нам свежесть слов и чувства простоту Терять не то ль, что живописцу — зренье Или актеру — голос и движение, Ахм915 (84.2); АКТЕРУ, ИГ-РАВШЕМУ ИСПАНЦА *Загл.* [обращ. к С.И.Антимонову] ОМ917 (343.3); АКТЕР И РАБОЧИЙ *Загл.* ОМ920 (305); Но старость — это Рим, который Взамен турусов и колес Не читки требует с актера, А полной гибели всерьез. П930–31 (I,412)

АКТРИСА Это волнующаяся а. С самыми близкими в день бенефиса. [о новогодней елке] П941 (II,33)

АКУЛА С волками площадей // Отказываюсь выть. С акулами равнин Отказываюсь плыть — Цв939 (II,360.2)

АКЦИОНЕР Акционеры / сидят увлечены, / делят миллиарды, *Ирон.* М925 (215)

АЛЕЙ [*сравни. ст. прил. АЛЫЙ*] И знаменá, а. коня, Когда с него содрали кожу, Когтями старое казня, Летите, на орлов похожи! РП [видимо, слова В.И. Ленина] Хл920 (275)

АЛЕКСАНДР [А. Македонский (356–323 до н. э.)] АЛЕКСАНДР У ФИВ *Загл.* Ахм961 (242.2)

АЛЕКСАНДР [А.С.Пушкин] О, А.! Ты был повеса, Как я сегодня хулиган. Ес924 (II,164); Вот когда / и горевать не в состоянии — / это, / А. Сергеич, / много тяжелей. М924 (123)

АЛЕКСАНДР [А.А. Блок] Александру Блоку *Посв.* Ахм914 (75); Предстало нам — всей площади широкой! — Святое сердце Александра Блока. Цв920 (I,293); На руках во гробе серебряном Наше солнце, в муке погасшее, — Александра, лебеда чистого. Ахм921 (160.2)

АЛЕКСАНДР [А.Г. Айзенштадт] Жил А. Герцевич, Еврейский музыкант. Он Шуберта навечивал, Как чистый бриллиант. ОМ931 (172); Что, А. Герцевич, На улице темно? Брось, А. Сердцевич, — Чего там! Все равно! *ib.*; Все, А. Герцевич, Заверчено давно. Брось, А. Скерцевич, — Чего там! Все равно! *ib.*

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ ПЕСНИ *Загл.* Куз905–08 (61); Александрийские чертоги Покрыла сладостная тень. Пушкин *Эпиграф* Ахм940 (183)

АЛЕКСЕВНА *см. КНЯГИНЯ Цит.* АБ919 (III,314)

АЛЕКСЕЙ [А.Е. КРУЧЕНЫХ; *см. тж. АЛЕША*] АЛЕКСЕЮ КРУЧЕНЫХ *Загл.* П946 (II,541)

АЛЕКСИЙ [*церк. форма имени Алексей; Алексей Николаевич Романов (1904–1918) — сын Николая II*] За Отрока — за Голубя — за Сына, За царевича младого Алексия Помолись, церковная Россия! Цв917 (I,341.1); Грех отцовский не карай на сыне. Сохрани, крестьянская Россия, Царскосельского ягненка — Алексѣя! *ib.*

АЛЕТЬ Алых чернил взаймы у крови <...> Время берет около Троицы, Когда алым пухом Алеют леса-недотроги, [в Иране] Хл921 (348)

АЛЕША [А.Е. Крученых; *см. тж. АЛЕКСЕЙ*] АЛЕШЕ КРУЧЕНЫХ *Загл.* Хл920 (126)

АЛЕШКА [*разг.; в знач. нариц.*] «Жизнь свою за други своя», Незатейливые парнишки — Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, Внуки, братики, сыновья! Ахм944 (201)

АЛИ [*союз и част.; нар.-поэт. и прост.; или, разве, неужели; см. тж. АЛЬ*] Отчего вам хныкать, бабы, Домекнуться не могу. Али руки эти слабы, Что пешню согнут в дугу. НАР Хм. Ес915 (I,151); Аль не вспомнила, холера? Али память не свежа? НАР *Бран.* АБ918 (III,352.1); Али руки не в крови Из-за Катьиной любви?

РП АБ918 (III,356.1); «Что задумался, отец? Али больше не боец? <...>» РП Хл920 (275)

АЛКОГОЛЬ Я очень и очень болен. <...> как рощу в сентябрь Осыпает мозги а.. [рфм. к боль] Ес925 (III,209)

АЛЛАХ Я верю, Я верю, что некогда «Майна!» Воскликнет Будда или А.. [рфм. к в чехлах] Хл915–19–22 (455)

АЛЛЕЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СВЕТ В АЛЛЕЕ Загл. Анн900-е (61); Смуглый отрок бродил по аллеям, У озерных грустил берегов, И столетие мы лелеем Еле слышный шелест шагов. [об А.С. Пушкине] Ахм911 (24.2); ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ Загл. П957 (II,84)

АЛЛИТЕРАЦИЯ Степа творит,/ не затемняя сознания,/ без волокиты аллитераций/ и рифм. Ирон. М926 (238)

АЛМАЗ Увы, стеклом был лживый тот а.! Куз906–07 (32); Созрела новая порода, — Угль превращается в а.. [рфм.: напоказ; о смене поколений] АБ919 (III,301); С утра жара. Но отведи Кусты, и грузный полдень разом Всей массой хряснет позади, Обламываясь под алмазом. П927 (I,241); Как играют алмазы, Как играет вино, Как играть без отказа Иногда суждено. [об игре артистки] П957 (II,112)

АЛМАЗНЫЙ Наша земля. Воздух — наш. Наши звезд алмазные копии. М917 (65); Над городом древним алмазные русские ночи [о г. Бежецке] Ахм920 (136.2)

АЛОБРОВЫЙ [нов.] Там [за лесами] тетеревов алобровых и седых глухарей, Заснувших под снегом, будет лапой Тяжелой давить, [о волке] Хл921 (153)

АЛОЕ [субст. прил.] — Мать, а мать! Держи ответ! Белой сволочи нет? <...> А я стара, гости! А., белое, Белая кость. Где тут понять? РП Хл921 (317) [см. тж БАЛУЯ Хл920 (122)]

АЛО-ЗОЛОТОПЕРЫЙ [нов.] Смотрю на зимние горы я: Как простые столы они пестры. Разостлались ало-золотоперые По небу заревые хвосты. [о Хоросане] Куз917 (203)

АЛОРАТНЫЙ [нов.] Почему Бойцов суровые ладони Хватают мертвых за виски И алоратные полки Летят веселием погони? Хл920 (275)

АЛОСТЬ [ср. АЛБ (сущ.)] А. злата — блеск фазаний в склонах гор! Куз908 (136)

АЛОШАРЫЙ [нов.] Мы входим в город Солнцестана, Где только мера и длина. Где небо пролито из синего кувшина, Из рук русалки темной площади, И алошарая вершина Светла венком стеклянной проседи, Хл920 (118.3)

АЛТАРЬ Моя Русь-то! На своем селе мы — царь! Захотим — с конем в а.! РП Цв922 (III,327); У нас весною до зари Костры на огороде, — Языческие алтари На пире плодородья. П940,42 (II,22)

АЛФЕРОВО [село в Ардатовском уезде б. Симбирской губ.] АЛФЕРОВО Загл. Хл910 (70)

АЛЧУЩИЙ Дух мой а. Переборол уже мечту. В тебе божественного мальчика, — Десятилетнего я чту. [обращ. к О.Э.Мандельштаму] Цв916 (I,253.2)

АЛЫЙ То полудня пламень синий, То рассвета пламень а., Я ль устал от четких линий, Солнце ль самое устало — Анн900 (153.2); Но не надо сердцу алых, — Сердце просит роз поблеклых, Гиацинтов небывалых, Анн901 (81.3); И в устах моих — алая нега. Грудь блеее нагорного снега. Голос — лепет лазоревых струй. Ахм906 (303); С алым соком ягоды на коже, Нежная, красивая, была На закат ты розовый похожа Ес915–16 (I,204); В углах улыбки, на щеке, На прядях — алая прохлада. П916 (I,249); будет сорванною с петель, И поперек желанья бога, Застава к алому чертогу, Куда уж я поставил ногу. РП [видимо, слова В.И. Ленина] Хл920 (275); Я род

людей сложу как части Давно задуманного целого. Рать алая! Твоя игра! Нечисты масти У вымирающего белого! *РП ib.*; Учебников нам скучен щебет, Что лебедь черный жил на юге, Но с алыми крылами лебедь Летит из волн свинцовой вьюги. Хл920,21 (281); Где битвы алое говядо Еще дымилось от расстрела, Идет свобода Неувяда, *ib.*; прошло два в двенадцатой Степени дней Со дня алой Пресни. *РП* Хл920–22 (491); Железо и железо! Где зелень прежняя? Трава бывалая? И знамя алое? Хл921 (342); вечерние гаснут лучи, Ясная зайчиков алых чума В зелени прежней, кладбище солнца, темнеет, пора! Хл922 (363); Кап, кап, кап! Падали вишни в кувшин, Алые слезы садов. *ib.* [см. тж АЛЕТЬ]

АЛБ [*нар.-поэт. и прост.*; *вар. к АЛИ*] «Ты скажи, зачем Прикатил, стрелец? Аль с Москвы какой Потайной гонец?» *РП* Ес924 (III,145)

АЛБ [*нов.*; *вар. к АЛОСТЬ*] Друзья! И мальчики! Давайте этими вселенными Играть преступно в альчики. И парусами вдохновенными Мы тронем аль чеки. *Хм.* Хл922 (363)

АЛБПИЙСКИЙ Как шапка холода альпийского, Из года в год, в жару и лето, На лбу высоком человечества Войны холодные ладони. ОМ923 (306)

АЛБПЫ Чтобы А. — коленом Знал, саванны — ступней. Цв931(II, 294.1); Он дирижировал кавказскими горами И машучи ступал на тесных Альп тропы, [*новс.* А.Белому] ОМ934 (209.1)

АЛЧИКИ [*обл.*; игра в кости] см. АЛБ Суц.

АЛЯ [А.С.Эфрон; см. тж АРИАДНА] АЛЯ *Загл.* Цв913 (I,189); Аля! — Будет все, что было: Так же ново и старо, Так же мило. *ib.*; Будет «он» — ему сейчас Года три или четыре... — Аля! — Это будет в мире — в первый раз. *ib.*; АЛЕ *Загл.* Цв914 (I,203.1)

АМБАР Соборы вечные Софии и Петра, Амбары воздуха и света, Зернохранилища вселенского добра И риги Нового Завета. ОМ921, 22 (137)

АМЕРИКА НОВАЯ АМЕРИКА *Загл.* [о России] АБ913 (III,268); Ты балда, Коломб, — / скажу по чести. / Что касается меня, / то я бы / лично — / я б Америку закрыл, / слегка почистил, / а потом / опять открыл — / вторично. *Шутл.* М925 (192)

АМЕРИКАНКА АМЕРИКАНКА *Загл.* ОМ913 (91.1)

АМЕРИКАНСКИЙ АМЕРИКАНСКИЕ РУССКИЕ *Загл.* М925 (226)

АМЕТИСТ АМЕТИСТЫ Подзаг. Анн900-е (98.1); АМЕТИСТ *Загл.* АБ900 (I,459.2)

АМОР [*лат.* amor — любовь, Амог — бог любви] Мне, решать привыкшей в мраморе, Тесно в одиночной камере Демократии и Амора. Цв923 (II,182)

АМОРТИЗАЦИЯ Все меньше любит, / все меньше терзается, / <...> Приходит / страшнойшая из амортизаций — / а. сердца и души. М926 (246)

АМУР [в др.-рим. мифологии — бог любви; см. тж АМОР] АМУР И НЕВИННОСТЬ *Загл.* Куз919–20 (223); Туда, туда, где Изана<м> и Читала «Моногатары» Перуну <...>, Где А. целует Маа-Эму, А Тиэн беседует с Индрой, Хл920,21 (281)

АМУР-ОХОТНИК А.-охотник все стоит на страже, Куз911 (96)

АН [*союз и част.*; *прост.*] Этим звездам к лицу б хохотать, Ан вселенная — место глухое. П917 (I,134); Ведь то же / лицо как будто, — / ан нет, / рисуют / кто поцекистей. М925 (149)

АНАЛОЙ И вспомнил я тебя пред аналоем, [*рфм. к роєм*] АБ908 (III,64)

АНАНАС Ешь ананасы, рябчиков жуй, / день твой последний приходит, буржуй. *Ирон.* М917 (72.1)

АНАФЕМА Что же мне делать, слепцу и пасынку, В мире, где каждый и отч и зряч, Где по анафемам, как по насыпям — Страсти! где насморком Назван — плач! Цв923 (II,185.2)

АНГЕЛ [а. и А.] Мой Друг, мой А., мой Закон! АБ902 (I,515.3); Препраждает путь к позорам А. мой. Куз907 (46); СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛ *Загл.* АБ909 (III,133); Так вонзай же, мой а. вчерашний, В сердце узкий французский каблук! АБ911 (III,31); Отчего же Бог меня наказывал Каждый день и каждый час? Или это а. мне указывал Свет, невидимый для нас? Ахм912 (64); И яблони — что ангелы — белы, Цв916 (I,265.1); О а. залгавшийся, сразу бы, сразу б, И я б опоил тебя чистой печалью! П918 (I,195.1); Страна — под бременем обид, Под игом наглого насилия — Как а., опускает крылья, Как женщина, теряет стыд. АБ919 (III,339); Наградил второю тенью Бог меня — и первым счастьем. Видно с ангелом спала я, Бога приняла в объятья. Цв919 (I,484); Не стыдись, страна Россия! Ангелы — всегда босые... Цв919 (I,502.1); — И а. превращений снова здесь? — Да, а. превращений снова здесь. *тж РП* Куз927 (293.1); Наглый школьник и а. ворующий, Несравненный Виллон Франсуа. ОМ937 (251.1); На свечку дуло из угла, И жар соблазна Вздыхал, как а., два крыла Крестообразно. П946 (III,15)

АНГЕЛЬСКИЙ Заплетаем, расплетаем Нити дьявольской Судьбы, Звуки ангельской трубы. АБ906 (II,112)

АНГЛИЙСКИЙ [*прил.*] Толпы последних поколений, Быть может, знать обречены, О чем не ведал старый гений [Шекспир] Суровой Английской страны. АБ900 (I,455.1); АНГЛИЙСКИЕ КАРТИНКИ *Загл.* Куз922 (265)

АНГЛИЙСКИЙ [*субст. прил.*] УРОКИ АНГЛИЙСКОГО *Загл.* П917 (I,133)

АНДРЕЙ [А.М. Шенье] АНДРЕЙ ШЕНЬЕ *Загл.* Цв918 (I,393.2)

АНДРЕЙ [А. Белый] АНДРЕЮ БЕЛОМУ *Загл.* АБ904 (II,313); <Стихи памяти Андрея Белого> ОМ934 (206.2)

АНКЕТА тиски анкет, [*рфм.*: в «Огоньке»] П926 (I,545)

АННА [А.А. Ахматова] АННЕ АХМАТОВОЙ *Загл.* ОМ911(340.1), *тж* АБ913 (III,143), Цв915 (I,234), П929 (I,227); Мне дали имя при крещенье — А., Сладчайшее для губ людских и слуха. [Анна (др.-евр.) — грация, миловидность] Ахм913 (152.2); Анне Ахматовой *Посв.* ОМ934 (361.1)

АННА [А. Снегина] АННА СНЕГИНА *Загл.* Ес925 (III,182)

АННА [донна А.; лит. персонаж] А., А., сладко ль спать в могиле? Сладко ль видеть неземные сны? АБ910–12 (III,80); И была у Дон-Жуана — донна А.. Цв917 (I,337.1)

АННЕНСКИЙ [Иннокентий Федорович (1855–1909) — рус. поэт, переводчик] ПОДРАЖАНИЕ И.Ф. АННЕНСКОМУ *Загл.* Ахм[910] (46); Горю и ночью дорога светла. Анненский *Эпгрф.* Ахм913–16 (77); Памяти Иннокентия Анненского *Подзаг.* Ахм945 (243.1); Ты опять со мной, подруга осень! Ин. Анненский *Эпгрф.* Ахм956 (225)

АНТИЧНЫЙ АНТОЛОГИЯ АНТИЧНОЙ ГЛУПОСТИ *Загл.* *Шутл.* ОМ912–20-е (341.1, 344.4); АНТИЧНАЯ ПЕЧАЛЬ *Загл.* Куз917 (202); АНТИЧНАЯ СТРАНИЧКА *Загл.* Ахм961 (242)

АНТОЛОГИЯ АНТОЛОГИЯ АНТИЧНОЙ ГЛУПОСТИ *Загл.* *Шутл.* ОМ912–20-е (341.1, 344.4); АНТОЛОГИЯ ЖИТЕЙСКОЙ ГЛУПОСТИ *Загл.* *Шутл.* ОМ920-е–30-е (347.3)

АНТРЕСОЛЬ даже а. При виде плеч твоих трясло. Хм. П917 (I,155)

АНЧАР А вы, старейшие из старых, Старее, нежели Додо, Идите прочь! Не на анчарах Вам вить воробушка гнездо. Хл915 (95.1)

АОНИДЫ [то же, что музы] Но, видит Бог, есть музыка над нами, — Дрожит вокзал от пенья Аонид, ОМ921(139)

АОРТА Играй же на разрыв аорты С кошачьей головой во рту, [*рфм.*: четвертый; о скрипачке Г.В. Бариновой] ОМ935 (213.2); Наливаются кровью аорты, И зву-

чит по рядам шепотком: — Я рожден в девяносто четвертом, Я рожден в девяносто втором... [рфм. тж: истертый] ОМ937 (241.2)

АПЛОДИСМЕНТЫ стихи и оды, / в аплодисментах / ревомые ревмя, *Ирон.* М926 (246)

АПЛОМБ Не меньшею загадкой был и он, Невежда с правоведческим дипломом, Холоп с апломбом и хамелеон, Но лучших дней оплеванный обломок. *Ирон.* П925–31 (I,353)

«АПОЛЛОН» [назв.; лит. журнал, издававшийся С.К. Маковским в нач. XX в. в Петербурге] ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШУТКА НА РОЖДЕНИЕ «АПОЛЛОНА» *Подзаг.* [к диалогам «Чертик»] Хл909 (391)

АПОСТОЛ Я <...>, / может быть, просто, / в самом обыкновенном Евангелии / тринадцатый а.. М914–15 (387); А. нежный Ключев Ес917–18 (II,30); Довольно! — / Вскричал / Озверевший а. борща. [об офицере на броненосце «Потемкин»] *Ирон.* П925–26 (I,293)

АПОФЕОЗ А на венцы и на апофеозы — Один ответ: — Откуда мне сие? *Ирон.* Цв918 (I,418.2); Забудешь ты мой профиль горбоносый, И лоб в апофеозе папиросы, Цв[919] (I,495.1); ВСЕ ЧЕТВЕРО (Апофеоз) *Подзаг.* Куз927 (312); А.. А! [6 раз] *Шутл. ib.*

АПРЕЛЬ [а. и А.] И, ощерясь, зверем отступила За а. упрямая зима. Анн900-е (90); ПАСХА В АПРЕЛЕ *Загл.* Цв910 (I,76); ИЮЛЬ — АПРЕЛЮ *Загл.* Цв[911] (I,152.1); но дай твоих губ неисцветшую прелесть: / я с сердцем ни разу до мая не дожили, / а в прожитой жизни / лишь сотый а. есть, / Мария! М914–15 (402); Налеплено к веткам! Затеplen / А.. Возмужалостью тянет из парка, И реплики леса окрепли. П914 (I,81); Еще нежнее, еще прелестней Пропел А.: Проснись, воскресни От сонной, косной суеты! Куз916 (169.1); Весенний день тридцатого апреля С рассвета отдается детворе. П931 (I,419); По капелькам льется душистый а. [рфм. к «Тебе ль?»] Ахм940 (270); В апреле запах прели и земли, И первый поцелуй... Ахм957 (236); И усмешка Леля... Не обманывай меня, Первое апреля! Ахм963 (212); Ты [Ленинград] как будто проигран в карты За твои роковые марты И за твой роковой а. Ахм965 (369.2)

АПРЕЛЬСКИЙ Как степь молчит в апрельском провороте! Ну, здравствуй, чернотом: будь мужествен, глаза... ОМ935 (211.1)

АПТЕКА Ночь, улица, фонарь, а., Бессмысленный и тусклый свет. Живи еще хоть четверть века — Все будет так. Исхода нет. // Умрешь — начнешь опять сначала, И повторится все, как встарь: Ночь, ледяная рябь канала, А., улица, фонарь. Хм. АБ912 (III,37); Он [Блок] прав — опять фонарь, а., Нева, безмолвие, гранит... *Аллюз.* Ахм944 (241)

АРАБСКИЙ Скажи мне, чертежник пустыни, Арабских песков геометр, Уже ли безудержность линий Сильнее, чем дующий ветер? [*обращ.* к В.Хлебникову] ОМ933–34 (203.2) [NB: в статье т.1 Словаря (2001) контекст не представлен!]

АРАВИЙСКИЙ см. КОНЬ Цв924, УРАГАН П930, КРОШЕВО ОМ937

АРАК Кому зима — а. и пунш голубоглазый, Кому душистое с корицею вино, Кому жестоких звезд соленые приказы В избушку дымную перенести дано. ОМ922 (140.2)

АРАП [Психея] — трепещет: Не прожег ли ей перчатку Пылкий поцелуй арапа... [об А.С. Пушкине] Цв920 (I,508.2); — Тоже, мол, / у легов / появился / Пушкин. / Вот а. / а состязается — / с Державиным... *НАР Ирон.* М924 (123)

АРАПНИК Бабка заплакала. Вся побледнела. <...> «Барин, а барин! Спасите меня!» <...> «Арапником будет Спаситель, Ты ему [щенку] matka, Кабыздох был родитель». РП Хл921 (296)

АРАРАТ дорожный шатер Арарата, ОМ930 (165.2); я все-таки увидел Библейской скатертью богатый А. ОМ931 (180.1)

АРБА Дней бык пег./ Медленна лет а../ Наш бог бег./ Сердце наш барабан. М917 (72.2)

АРЕНА Но кто ж он [художник, артист и т. п.], на какой арене Стяжал он поздний опыт свой? С кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой. П936 (II,7)

АРИАДНА [в др.-греч. мифологии — дочь критского царя Миноса] АРИАДНА Загл. Куз921 (250); — А., А., Уплывает твой Тезей! *ib.*; АРИАДНА Загл. Цв923 (II,186.1)

АРИАДНА [А.С. Эфрон; см. тж АЛЯ] В платьице твой вероломный Тезей, Маленькая Ариадна. *Эпгрф. Клмб.* Цв913 (I,189)

АРИОСТ [Ариосто Лудовико (1474–1533) — итал. поэт] АРИОСТ Загл. ОМ933 (194)

АРИЯ Бросьте!/ Забудьте,/ плюньте / и на рифмы,/ и на арии,/ и на розовый куст,/ и на прочие мелехлюндии/ из арсеналов искусств. Хм. М921 (95)

АРКА Ведь под аркой на Галерной... А. Ахматова *Эпгрф.* Ахм940 (286); На Галерной чернела а., В Летнем тонко пела флюгарка, *ib.*

АРМЕНИЯ АРМЕНИЯ Загл. [цикла] ОМ930 (160); К трубам серебряным Азии вечно летящая — А., А.! ОМ930 (162.3); в стране субботней, Которую Арменией зовут. ОМ931 (180.1)

АРМИЯ ПРИКАЗ/ ПО АРМИИ ИСКУССТВА Загл. М918 (75); ПРИКАЗ № 2/ АРМИИ ИСКУССТВ Загл. М921 (95)

АРМЯНСКИЙ Я тебя никогда не увижу, Близорукое армянское небо, ОМ930 (165.2); Дикая кошка — армянская речь, ОМ930 (166.2; ср. 167.2)

АРОМАТ АРОМАТ ЛИЛЕИ МНЕ ТЯЖЕЛ Загл. Анн900-е (136.2); Ведь я — сочинитель, Человек, называющий все по имени, Отнимающий а. у живого цветка. АБ908 (II,288) [см. тж АБРИС]

АРФА МЕЛОДИЯ ДЛЯ АРФЫ Загл. Анн900-е (189.1); АРФЫ И СКРИПКИ Загл. АБ908–16 (III,158); Усыпленные жизнью струны Напряженной, как а., души. АБ912 (III,202) [см. тж ЯЗЫК ОМ920 (132.1), УРАГАН П930 (I,188), ЭОЛ ОМ936 (255)]

АРХАНГЕЛ Крещенный в огне и дыме, А. — тяжелоступ — Здорово, в веках Владимир [Маяковский]! Цв921 (II,54.2); Оглоблей гребет — крылом Архангела ломового. *ib.*

АРХИВ Быть знаменитым некрасиво. Не это подымает ввысь. Не надо заводить архива, Над рукописями трястись. П956 (II,74)

АРХИ-ПОЧЕТНО [нов.] Гляди, мол, страна, как, молве вопреки, Монарх о поэте [о Пушкине] печется! Почетно — почетно — почетно — архи-/ Почетно, — почетно — до черту! *Ирон.* Цв931 (II,289.2)

АРХИ-РАЗИЕРАРХИЯ [нов.] Мы / глядим, / уныло ахая, / как растет / от ихней братии [подлиз]/ а.-разиерархия / в издевательстве / над демократией. *Ирон.* М928 (342)

АРШИН С громадою Кремля — Кавказ. Не путал здесь — земной а.. Все равные — дети вершин. Цв920 (I,551)

АСПАРУХ [или Исперих (ок. 644-ок.700) — хан протоболгарской державы] АСПАРУХ Загл. Хл911 (417)

АССЕНИЗАТОР Я, а./ и водовоз,/ революцией/ мобилизованный и призванный,/ ушел на фронт/ из барских садоводств/ поэзии — / бабы капризной. М929–30 (600)

АССИЗИ [гор. в Италии; см. тж ФРАНЦИСК] АССИЗИ *Загл.* Куз919–20 (224);
ПОЕЗДКА В АССИЗИ *Загл.* Куз921 (257)

АССИРИЯ На Ассирию башен нарек, [об Астрахани] Хл913 (245)

АСТАРТА [в зап.-семит. мифологии — богиня любви, плодородия] см. АМУР и
ТУДА Хл920,21 (281)

АСФАЛТ И в мокром асфальте поэт Захочет, так счастье находит. Анн909
(108.2); Ребенок растет на асфальте И будет жестоким — как он. [*рфм.* к Альпы]
Цв940 (II,367.2)

АСЬ [*в знач. сущ.* РАЗ; *прост.*] Я, человечество, мне научу Ближние солнца
честь отдавать! «Ась, два», — рывкая солнцам сурово. НАР? Хл921 (133)

АТАКА Кура ползет атаккой газовой К Арагве, сдавленной горами, П931 (I,410)

АТАКУЮЩИЙ Я / всю свою / звонкую силу поэта / тебе отдаю, / а. класс.
М924 (453)

АТЛАНТИДА ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ *Загл.* Хл912 (216)

АТЛАНТИЧЕСКИЙ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН *Загл.* М925 (172)

АТЛАС тот профиль горбатый, И парижской челки а., И зеленый, продолгова-
тый, Очень зорко видящий глаз. [о себе] Ахм958 (240)

АТЛАСНЫЙ [*фил.* к АТЛАС] Ужель атласною тряпченкой Свою же славу
заслону? РП Цв920 (III,197)

АТЛЕТ Точно Лаокоон, Будет-дым На трескучем морозе, Оголясь, Как а., Об-
нимать и валить облака. П925–26 (I,282); «Атлета Мускулатура, А не поэта!» [об
А.С. Пушкине] РП Цв931 (II,287)

АТЛЕТИЧЕСКИЙ Недели / грудью своей атлетической — / то работяга, / то в
стельку пьян — / вздыхает / и гремит / Атлантический / океан. М925 (172); Заблуд-
дился я в небе... Что делать? Тот, кому оно близко, — ответ! Легче было вам, Данто-
вых девять Атлетических дисков [кругов ада] звенеть, Задышаться, чернеть, голубеть.
ОМ937 (248; там же — *вар.*)

АТОМ И из земного жития Душа, порвавшая оковы, Уносит а. бытия, — Анн900-е
(173.3)

АУ Сухомятная русская сказка, деревянная ложка, ау! Где вы, трое славных
ребят из железных ворот ГПУ? ОМ935 (214.2)

АУДИЕНЦИЯ Заявишься: / «Не могут ли аудиенцию дать? / Хожу со времени
она». — / «Товарищ Иван Ваньч ушли заседать — / объединение Тео и Гукона». *Ирон.*
НАР М922 (97)

АУДИТОРИЯ А. / сыплет / вопросы колючие, М927 (294)

АУКАТЬ Поет зима — аукает, Мохнатый лес баюкает Стозвоном сосняка. Ес910
(I,57); Ветер сосною люлюкает, Кто-то поет и аукает, Веткой стокою стучает. Хл921
(159)

АУКАТЬСЯ Я аукалась с дальним эхом, Неуместным смущая смехом Непро-
будную сонь вещей, Ахм940 (296)

АУКАЯ [*разг.*] Я [русалка] белорукая, Я белокожая, Ручьям а., На щук похо-
жая, РП Хл912 (222)

АУЛ Аул рассыпан был, казались сакли Буквами нам непонятной речи. Хл921
(145)

АФЕРА см. ЖИР Цв938

АФИША На польский [паспорт] — глядят, как в афишу коза. *Ирон.* М929 (370)

АФРИКА Другую жизнь узнал тот угол, Где смотрит Африкой Россия, [об
Астраханском крае] Хл913 (245); Недурен российский классик [Пушкин], Небо
Африки — своим Звавший, невоское — проклятым! Цв931 (II,281)

АФРИКАНСКИЙ см. ПУШКИН Цв931 (II,281–83)

АФРИКАНЦЫ см. ГЛАНЕЦ М924 (123)

АФРОДИТА Останься пеной, А., И, слово, в музыку вернись, ОМ910 (70.3); ЗВЕЗДА АФРОДИТЫ Загл. Куз921 (253); ХВАЛА АФРОДИТЕ Загл. Цв921 (II,62.1)

АХ [междом.] Вон там на дорожке белый встал и стоит виденнега! Вечер ли? Дерево ль? Прихоть моя? Ах, позвольте мне это слово в виде неги! Хл909 (59); Ах, мусульмане те же русские, И русским может быть ислам. Хл913 (245); Имя твоё [Блока] — ах, нельзя! — Имя твоё — поцелуй в глаза, Цв916 (I,288.1); Смотрю на жизнь — / ах, как не нова! М925 (158); «Ах, няня, няня, / я тоскую. <...> Ах, няня, / он / такой речистый... / Ах, няня-няня! / няня! / Ах! / Его же ж / носят на руках. <...>». РП Аллюз. Ирон. М927 (524); Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала <...>? Ах, Эривань, Эривань! Не город — орешек калёный <...>. Ах, Эривань, Эривань! Ничего мне больше не надо, ОМ930 (161); Ах, как скучает по пахоте плуг, Пашня — по плугу, Море — по Бугу, по северу — юг, Все — друг по другу! П944 (II,67; ср. II,552) [см. тж АХТИ П943 (II,48)]

А-ХА-ХА [нов.] Ветер баловень — а-ха-ха! — Дал пощечину с размаха, Судно село кукарач, Скинув парус, мчится вскачь. Хл920–21 (129)

АХАЯ Ухая, охая, а., всей братвой Поставили повальный поезд, На пути — катись. Хл921 (167.2) [см. тж АРХИ-РАЗИЕРАРХИЯ М928 (342)]

АХИЛЛ АХИЛЛ НА ВАЛУ Загл. Цв923 (II,225)

АХМАТОВА [псевдоним; Анна Андреевна Ахматова (Горенко) (1889–1966) — рус. поэтесса; см. тж АННА] АННЕ АХМАТОВОЙ Загл. ОМ911 (340.1); тж АБ913 (III,143), Цв915 (I,234), П929 (I,227); АХМАТОВА Загл. ОМ914 (93.3); АХМАТОВОЙ Загл. Цв916 (I,303.1), Цв921 (II,79); ОТРЫВОК ИЗ СТИХОВ К АХМАТОВОЙ Загл. Цв921 (II,54.1); А. Ахматовой Посв. ОМ[914] (288.1), Цв921 (III,16); глухое: ох! — Стотысячное — тебе присягает:— Анна А.! Это имя — огромный вздох, Цв916 (I,303.1); И пока над Царским Селом Лилось пенье и слезы Ахматовой, Я, моток волшебницы разматывая, Как сонный труп, влачился по пустыне, Хл921–22 (166); Красивость — / аж дух выматывает! / Как будто / влип / в акварель Бенуа, / к каким-то / стишкам Ахматовой. Ирон. Хм. М925 (158); Привыкают к пчеловоду пчелы, Такова пчелиная порода... Только я Ахматовой уколы Двадцать три уже считаю года. Шутл. ОМ934 (361.1) [см. тж АРКА Энгрф. Ахм940 (286)]

АХМАТОВСКИЙ Теперь меня позабудут, И книги сгниют в шкафу. Ахматовской звать не будут Ни улицу, ни строфу. Ахм946 (329)

АХТИ [разг.] Ах, Марина [Цветаева], давно уже время, Да и труд не такой уж а., Твой заброшенный прах в реквиеме Из Елабуги перенести П943 (II, 48).

А-ЦА-ЦА́ [нов.? междом.] см. ВОЛНА Хл920–21 (129).

Слова Блока «Сегодня я гений» общеизвестны. Если спросить, к чему относятся слова Хлебникова о сопоставимом взлете в его творчестве — «Все-таки добился своего, разбойник», — мало кто, и уж не министр культуры и не держатель «Фонда культуры», ответит на это «с трех раз». Здесь малого «эвристического прорыва» ждешь скорее от «стихий случайностей». Вдруг редакторы кроссвордов в «Известиях» головоломному вопросу о части суток (ответ: вечер) предпочтут «Название цикла стихов о Блоке» (ответ: «Ветер» Б. Пастернака, — глядишь, и полюбят «загадки» вроде «Председатель Земного шара», «Говоря, своими стихами он набивал наволочку», «Футуристов он именова́л будетлянами», «Маяковский назвал его великолепнейшим и честнейшим рыцарем». Для эвристического просвещения общества. А там, на досуге «кого-то» из бо-ольших элитариев, вдруг «подбросят» кроссворд и ему, VIPу: попотей, небога!..

Едва ли Достоевскому Хлебников обязан больше, чем Гауссу. Они оба как единый символ художественного и научного познания вместе с «рабочими символами» разных эпох попеременно и сообщая давали Будетлянину все необходимое для его творчества с девизом «Единство — тебе поклонюсь». Ровесник Бора (на месяц моложе), он в 1908 г., за два года до своего же «метабиоза», в стих. «Времыши-камыши...» строчками: «На берегу озера» и «На озере берега» — как бы предсказал «принцип дополнительности». *Патриотам* это, понятно, не по их *Кауму*. Но Культуре-то, казалось, как проглядеть, что Будетлянин — «отчим» Бора? Более того — он переполнен и «синергетическим». «Диалог с И. Пригожиным» [Князева, Курдюмов 1992] пренебрег постулатом Харитона, не озаботившись «Диалогом с В.Хлебниковым». Эвристистам «Поэтического Ожегова» нужна проекция на в е с ь «гипертекст» мировой культуры ([Самовитое слово 1998:19, Словарь 2001, I:11]; ср. будущее Сети), нужны Бергсон и Вернадский, Корчак и Сахаров, Лао-цзы и мать Тереза... — мысль и для *Раум-ников* из РАН, РГГУ и СМИ.

Соберутся ли наши «просвещенцы» под знаком любого «совета по русскому языку» хотя бы к 2008 г., чтобы подумать о том, в программу для вне- или внутри-классного чтения 5- или 6-клашкам (ладно — в 10-м или 11-м классе) ввести хотя бы фрагмент стих. «Времыши-камыши...»? С 1913 г. Блоку оно могло быть известно, а Маяковский знал о нем (его?) несомненно. Между тем, хорошо бы предложить прямо сейчас продвинутому студенту-филологу такую тему: «Блок и Хлебников: *контекст* некрологов прощавшегося с ними Маяковского». А тему сопоставления идЕостилевых парадигм — незауряд-диссертанту (даже исповедуй он модный «гендеризм»).

«Второе рождение» Хлебникова, по гамбургскому счету, уже не за горами. Конечно, найдутся *вчерахари*, *тухлоумцы* или *доумцы* — *указуи* «необыкновенного фашизма», всегда готовые задушить младенца в колыбели. Но «Зангези жив». Иродам «девушка с бородой» страшна *новым словом*. Никто, ни один поэт, ни один ученый, не работал с языком и метаязыком так, как Хлебников, в таком их единстве, с таким сознательным погружением в четвертое измерение языка. «Трубу марсиан» (1916) начинали, по всей видимости, очень обидные, азартные, но глубокие пассажи-обращения-обещания:

Люди!

Мозг людей и донныне скачет на трех ногах (три оси места)! Мы приклеиваем, возделывая мозг человечества, как пахари, этому щенку четвертую ногу, именно — ось времени.

Хромой щенок! Ты больше не будешь истязать слух нам своим скверным лаем.

В 1920–1922 годах Хлебников обещание выполнил, предложив «людям» ряд «скреп» (=формул) «основного закона времени» и круг приближенных решений «уравнений судьбы», заметив, что это — лишь «первые крики младенца». Подсистемы неологизмов, часто компрессивных, как энтимемы (ср. компрессию в самой поэзии или в научных работах), и сети уравнений и «уравнений» он строил как четкие эвристические модели для природы языка, для всего мироздания, обустройства «мира толп», «государства времени» (ср. *наимал*, *равнебен*, *предземшары*). У этого «темпомира» был «странный аттрактор», определявший непредсказуемость путей поэта и ученого в одном лице (по Маяковскому, их (пути) «нельзя было понять» [12:27]) — «первоумнейшины», ставшего первооткрывателем 4-мерного пространства-времени языка. Сканировав его «умный череп» (см. «Взлом Вселенной»), он понял все значение «во-

ображаемой филологии» и «принципа единой левизны» не только для своего творчества, но творчества вообще.

И по сие время поэт-мыслитель не дождался от нас («трехногих» *нехотяев?*) проверочных процедур и Диалога на равных. Вольно цветикам журналистики в лице А. Архангельского и яголке стихотворства Дм. Быкову амикошонствовать с «Досками судьбы»... «Позитив» убеждает: и фамильяры, и критики-*беллетристы*, побивавшие «тузом» Блока («спасителя чести русской поэзии») неведомые им «карты» Хлебникова, якобы звавшего «стиховое слово» на путь, опасный для чести и поэзии, и самого слова (застоялся этот тезис И.Б. Роднянской; см.: [Григорьев, 2000:446 и др.]), проигралась в дым. За большим Игровым столом, объединяющим искусство и науку, не остается мест для «скорострельных интуитивистов» (Б.И. Ярхо). Требуются *вникание* в Хлебникова и ответственные *исследовательские* сопоставления. Креатемы и эвристиемы — отпрыски матери-лексикографии — готовы послужить и этому общему делу.

P.S. Автор посвящает свою работу памяти Татьяны Юрьевны Строгановой — жены и друга-филолога. Уже тяжело больной, ей было интересно все пространство языка. Вот кусочек ее автоироничной «домашней эвристики»: — Вить! И я зовусь Татьяной, / И муж в сраженьях изувечен. / Ну почему нас не ласкает двор?..

P.P.S. За благожелательное обсуждение проблематики этой статьи автор глубоко признателен А.Г. Свешникову, М.А. Гаспарову, В.В. Фещенко и Е.Р. Арензону.

Литература

- Андреевский А.Н. Мои ночные беседы с Хлебниковым // Дружба народов. 1985. № 12.
- Белый А. Начало века. М., 1990.
- Библер В.С. Национальная русская идея? Русская речь! Опыт культурологического предположения // Октябрь. 1993. № 2.
- Витгенштейн Л. Лекция об этике // Даугава. 1989. № 2. С. 98–105.
- Гликин Г.Г. Авторская позиция в поэмах А. Блока «Двенадцать» и В. Хлебникова «Ночной обыск» // Тезисы докладов V Хлебниковских чтений. Астрахань, 1995.
- Григорьев В.П. Словарь языка русской советской поэзии: Проспект... М., 1965.
- О задачах лингвистической поэтики // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1966. Т. 25. № 6.
- Поэтика слова. М., 1979 а.
- Лингвистика. Поэтика. Эстетика (О разных подходах к поэтическому языку) // Стилистика художественной речи / Межвузов. тематич. сб. Саранск, 1979 б.
- К эстетике неологизма // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах / Виноградовские чтения XIV-XV. М., 1987.
- Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. М., 1993.
- Самовитое слово и его словарное представление // Изв. РАН. Серия лит. и яз. 1994 а. Т. 54. № 4.
- Язык экологии. Экология культуры. Культура языка // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия Филология, журналистика. 1994 б. № 1.
- Интертекстуальность и сопоставительная идиостилика // Текст и методика его анализа / Материалы <...> Ч. II. Художеств. текст <...>. Харьков, 1994 в.
- Велимир Хлебников // Новое литературное обозрение. 1998. № 34/6.
- Будетлянин. М., 2000.
- В защиту Будетлянина (Оппонирую О.А. Седаковой и «Миру Хлебникова» // Текст. Интертекст. Культура: Сб. докладов междунар. науч. конф. М., 2001.

— Хлебников без ретуши (К выходу в свет двух первых томов его Собрания сочинений)// Русский язык в научном освещении, 2002. № 1 (3).

— Мандельштам и Хлебников, II (1932–1936)// Русский язык в научном освещении, 2003 а, № 1 (5).

— Слова в контекстах русской поэзии XX века (о «Словаре избранных экспрес-сем»)// Изв. АН. Серия лит. и яз. 2003 б. Т. 62. № 3.

— Велимир Хлебников у входа в контекстную элиту русской поэзии XX века// Творчество 2003 в (см. здесь ниже).

— О Хлебникове — художнике (К проблемам лингвистической эстетики)// Ло-гический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безоб-разного (2004 а).

— Крестословица «Хлебников» и несколько не отмеченных в ней сюжетов и смыслов (2004 б).

— Диалогическая (не)интеллигентность// Общественные науки и современность, 2004. № 1.

— Блок и Хлебников в четырехмерном пространстве языка (заметки к пробле-ме)// Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МГУ, 2004.

Григорьев В.П., Брейдо Е.М., Колодяжная А.И. Русская душа в поэзии XX века и в словаре «Самовитое слово»// Труды Международного семинара ДИАЛОГ'97 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1997.

Григорьев В.П., Колодяжная А.И., Шестакова Л.А. Имя собственное ПУШ-КИН и его производные в Словаре русской поэзии XX века «Самовитое слово»// Пушкин и поэтический язык XX века: Сб. статей. М., 1999.

Жукова О.А. Творческий феномен В.Хлебникова как культурологическая про-блема// Велимир Хлебников и мировая художественная культура на рубеже тысяче-летий / VII Междунар. Хлебниковские чтения. Науч. доклады. Статьи. Тезисы. Астрахань, 2000.

Киктев М.С. Хлебников и Вл.Соловьев// Материалы IV Хлебниковских чте-ний. Астрахань, 1992.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И.Пригожиным// Вопросы философии. 1992. № 12.

Колодяжная А.И., Шестакова Л.А. Имена поэтов у поэтов: по материалам книги «Собственное имя в русской поэзии XX века. Словарь личных имен».

Кусков С.И. Проблематика универсального языка в контексте П. Филонова и В.Хлебникова// Культура Средних веков и Нового времени: Сб. статей. М., 1987.

Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантика. поэтика как потенциальная культурная парадигма// Rus. Lit., № 7/8, 1974.

Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элемен-ты анализа: Учебник. М., 1999.

Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М., 1957. — Т.12. М., 1959.

Новиков Л.А. Феномен эстетического в языке (опыт аналитического синтеза)// Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия Филология, журналистика. 1994. № 1.

Поценья Д.М. Эстетическое значение слова как семантико-стилистическая ка-тегория// Словоупотребление и стиль писателя. СПб., 1995.

Поэт и слово. Опыт словаря. М., 1973.

Самовитое слово// Словарь русской поэзии XX века. Пробный выпуск: А — А-ю-рей. М.: Русские словари, 1998 (Приложение к журналу «Русистика сегодня»).

Седакова О. Велимир Хлебников — поэт скорости// Русская речь. 1985. № 5.

Словарь языка русской поэзии XX века. Т.1. А — В. М., 2001. — Т.II. Г — Ж. М., 2003.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

— Творчество Велимира Хлебникова в контексте мировой культуры XX века: VIII Междунар. Хлебниковские чтения. Науч. доклады и сообщ. Ч. I, II. Астрахань, 2003.

Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. М., 2002.

Фафино Е. Как пророк Пушкина сделался лицедеем Хлебникова // *Studia Russica*, XII. Budapest, 1988.

Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1940.

Хлебников В. Творения. М., 1986.

Хлебников В. Собр. соч.: В 6 т. Т.2. Стихотворения. 1917–1922. М., 2001.

Шрейдер Ю.А. Лекции по этике. М., 1994.

— Язык и искусство: динамический авангард наших дней. [Сб. работ семинара «Современная философия языка» под рук. Ю.С. Степанова]. М., 2002.

Péter M. Рец. [на кн.: Григорьев 1965] // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. 18. Budapest, 1968. P. 465–471.

Pszczolowska L. Słownik języka poezji // *Pamiętnik Literacki*. 1966. 1. S. 153–165.

Михаил Эпштейн

ПРОЕКТИВНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА. НЕОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ [1]

...Новое словообразование есть всегда начало новых познаний.

Андрей Белый

... Слово управляет мозгом, мозг — руками, руки — царствами.

Велимир Хлебников

ВВЕДЕНИЕ. Особенности и задачи проективного словаря

Есть много разных типов словарей: толковые и энциклопедические, этимологические и орфографические, диалектные и индивидуальные, словари историзмов и неологизмов... Но все они описывают слова, которые уже были в употреблении, в той или иной степени вошли в язык.

Особенность проективного словаря в том, что он описывает ранее неизвестные слова, которые впервые предлагаются для употребления. Традиционные словари, в том числе словари неологизмов, уже вошедших в употребление, отстают в своем описании языка от его реального состояния, тогда как проективный словарь носит опережающий характер. Если традиционный словарь подводит итог бытованию слова в языке, то в проективном словаре жизнь слова только начинается. Отсюда оно может перейти в тексты других авторов, стать фактом языка, — а может остаться в словаре. Слова имеют свою судьбу... [2]

1. Словарный состав русского языка и его обновление.

В XIX веке русское языковое пространство быстро наполнялось. Словарь В. Даля «лопается» от изобилия слов, правда, и тогда уже обращенных скорей в прошлое, чем в будущее: к старинным промыслам, ремеслам, вещам домотканого быта. Но также и нравственные, умственные явления представлены обильно: корней немного, но сколько производных, на один корень «добр» — около 200 слов!

Однако в XX в. язык пошел на убыль, вчетверо-впятеро, если не больше, поредела его крона, словолес облысел, и от многих корней остались черные пни. Самое тревожное — что исконно русские корни в XX в. замедлили и даже прекратили рост, и многие ветви оказались вырубленными. У Даля в корневом гнезде -люб- приводятся около 150 слов, от «любить» до «любощедрый», от «любешка» до «любодейство» (сюда еще не входят приставочные образования). В четырехтомном Академическом словаре 1982 г. — 41 слово. Выходит, что корень -люб- за сто лет не только не дал прироста, новых ветвлений, но, напротив, начал резко увядать и терять свою крону. То же самое и с гнездом -добр-: из 200 слов осталось 56.

В постсоветское время происходит быстрое обновление словарного состава, но в основном за счет двух источников: (1) заимствования из английского языка и (2) наезд на язык уголовно-бандитской лексики и фразеологии, жаргонных и просторечных низов языка, которые въехали в публицистику, журналистику, литературу, сделав себе такую же «златоустую» карьеру, как и их златозубые носители.

Во всех словарях русского языка советской эпохи в общей сложности приводятся около 125 тысяч слов — это очень мало для развитого языка, с великим литературным прошлым и, надо надеяться, с большим будущим. В Словаре В. Даля — 200 тыс. слов. Для сравнения: в современном английском — примерно 750 тысяч слов (в тре-

твом издании Вебстеровского (1961) — 450 тыс., в полном Оксфордском (1992) — 500 тыс., причем более половины слов в этих словарях не совпадают). [3]

С русским языком происходит примерно то же, что с населением. Население России чуть ли не втрое меньше того, каким должно было быть по демографическим подсчетам начала XX в. И дело не только в убыли населения, но и в недороде. 60 или 70 миллионов погибло в результате исторических экспериментов и катастроф, но вдвое больше из тех, что могли, демографически должны были родиться — не родились, не приняла их социальная среда из тех генетических глубин, откуда они рвались к рождению. Вот так и в русском языке: мало того, что **убыль**, но еще и **недород**.

Далевские слова в языке не восстановить, потому что многие связаны с кругом устаревших или местных значений; но в живом языке и корни должны расти, ветвиться, приносить новые слова. Знаменательно, что А. Солженицын, который в своем «Русском словаре языкового расширения» пытается расширить современный русский язык введением слов из В. Даля, вынужден его резко сокращать, не только прореживать далевский словник, но и сужать значения и толкования слов. «Лучший способ обогащения языка — это восстановление прежде накопленных, а потом утраченных богатств», — пишет Солженицын в предисловии к своему «Словарю». [4] Хотя солженицынская попытка заслуживает большого уважения, но сейчас ясно, как никогда раньше, что язык не может жить одним только воспоминанием. Чтобы ответить на вызов времени, языку нужно **воображение**, способность **творить новые слова и понятия**, не ограничиваясь только восстановлением своего прошлого или заимствованиями из других языков. Язык жив до тех пор, пока его корни продолжают разветвляться и плодоносить в новых словах. Недостаточно пользоваться языком как **орудием художественного или научного творчества**; необходимо **творческое обновление самого языка**.

Язык — это не инертная масса слов и правил, а энергия, «вулкан», который все время выбрасывает новые слова, выражения, смыслы, обороты речи. Бывают эпохи, когда язык находится в разгоряченном, расплавленном состоянии, это самая счастливая пора для языкотворчества. Быть может, она наступает и для России. Во всем мире быстро растут новые отрасли техники, новые виды работы и досуга, новые рыночно-товарные реальности, обеспечение которых требует не меньше лингвистических, знаковых инвестиций, чем материальных и финансовых. Одна виртуально-сетевая реальность чего стоит — а ведь по-русски она в полный голос еще не заговорила, живет обрубками, искаженными отзвуками английских слов. Никакое дело не может быть успешным, если у него нет внятных имен. «Если имена неправильны, — отвечает Учитель на вопрос Цзы-лу, — то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться» (Конфуций).

2. Неология и прогностика. Слово как мем

Этой задаче и посвящается данный проект, полное название которого «Дар слова. Проективный словарь русского языка» [5]. Читателю предлагаются слова, термины, понятия, которые могут войти во всеобщее употребление и стать знаками новых идей, научных теорий, художественных движений, стилей жизни и мышления... А могут и не войти. От самих читателей зависит, насколько «**входчивыми**» окажутся эти слова и насколько «**сбычивыми**» те образы и идеи, которые они приносят с собой. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», — в данном случае тютчевское выражение следует понимать буквально. Языку ничего нельзя навязать, но можно нечто предложить — в надежде, что не все предложенное будет отвергнуто.